

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 17 • июнь • 1987

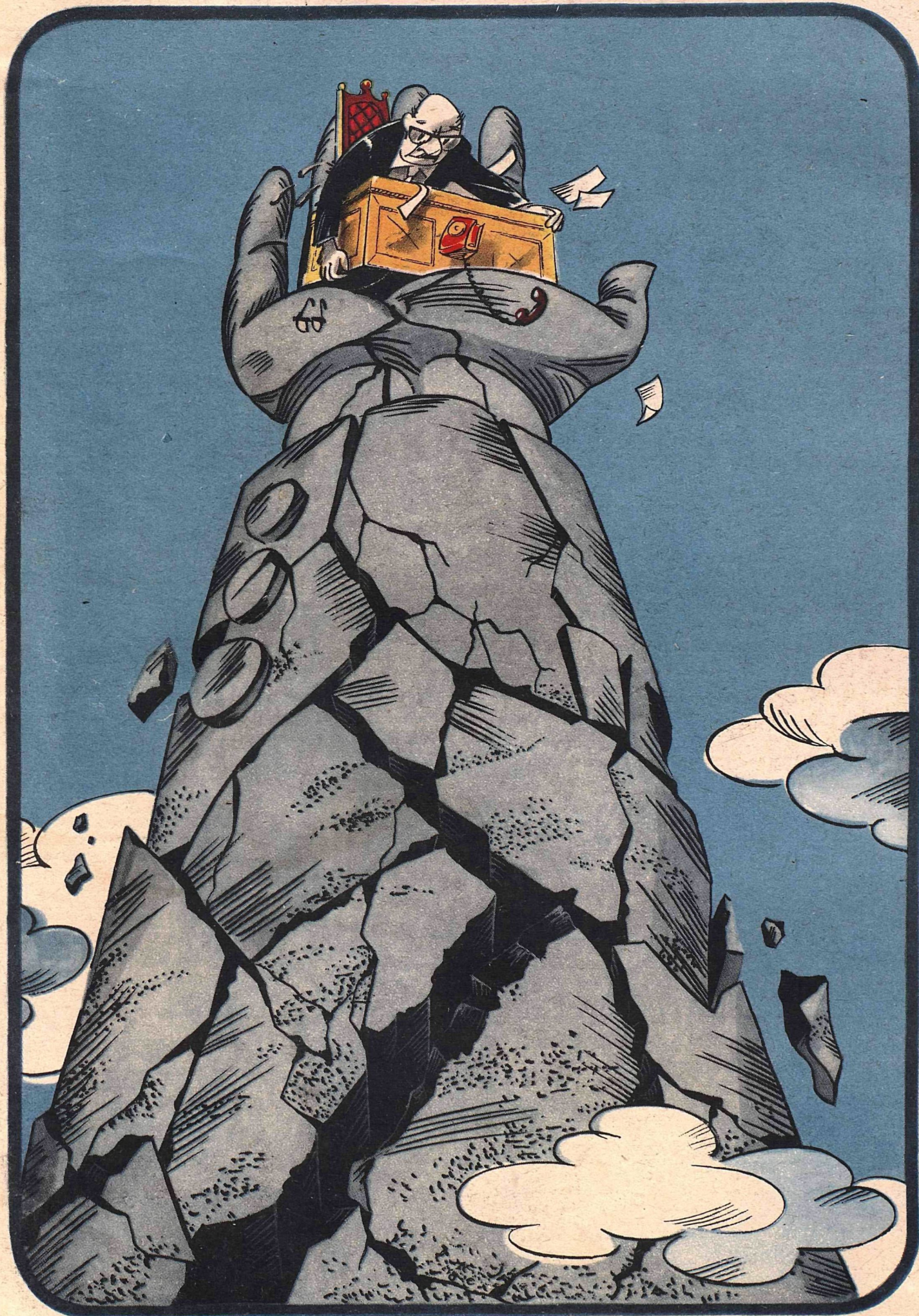

Рисунок А. БУДИЛОВА.

В НОМЕРЕ

Есть ли
альтернатива
доценту
на овощной базе?

Стр. 3—4.

Минрыбхоз:
методами
каменного
века...

Стр. 4—5.

СОВЕТСКИЕ
САТИРИКИ
В США:
НАЧАЛО
ДИАЛОГА

Стр. 8—9 и 16.

ЧЕМ
КОНЧАЕТСЯ
ПРАЗДНИК,
ЕСЛИ ОН
НАЧИНАЕТСЯ
С РЮМКИ...

Стр. 10—11.

В НОМЕРЕ

ФЕРМА В КРЕПКИХ РУКАХ

— Свалился очередной правдолюбец на нашу голову! — грустно констатируют в РК КПСС и райисполкоме г. Канска Красноярского края. — Ну, был падеж скота в совхозе «Большеураинский», ну и что из этого? Крайнего ищет! Склочник!

Канские власти уверены: если выпьет лишнего нижестоящий начальник, допустит между делом падеж сотни-другой коров — не ключевые это вопросы. Главное, чтобы был крепкий руководитель.

А вот ветеран войны И. Бусяцкий думает иначе. Он не считает нужным прощать начальству его маленькие человеческие слабости. Особенную нелюбовь питает Иннокентий Афанасьевич к любителям спиртного. По его мнению, пьянство вовсе не помогает управлять, а, наоборот, мешает.

Фермой № 3 совхоза «Большеураинский» руководит Н. Боровиков. Нужно, скажем, Боровикову дать рабочее задание механизатору Н. Раздобудько. Боровиков берет молоток, пропускает для крепости стаканчик и идет в гости к механизатору и его супруге. А придя, пытается с молотком наброситься на хозяйна дома.

Или, к примеру, такой пассаж. Бусяцкий — фотолучитель. И подчас в его объектив попадают факты бесхозяйственности на ферме. Карточки он отправляет в народный контроль. А после происходит беседа с управляющим.

— Нашелся фотограф! — увещевает пенсионера Боровиков. — Думаешь, не разобью твой аппарат хре-

новый об твою же физиономию? Еще как разобью! Будешь знать, кто здесь хозяин!

Удалось или не удалось Боровикову исполнить свое обещание, Бусяцкий не сообщает, но есть официальный ответ председателя райисполкома А. Хмырова на жалобу Бусяцкого. Приводим его, сохраняя стиль и орфографию:

«Гр. Боровиков за систематическое употребление спиртного был отстранен от обязанностей управляющего, в конце 1985 года по просьбе гр. Боровикова и после его заявления о полном прекращении пить он был вновь назначен управляющим фермы № 3.

Опытный, знающий свое дело хозяйственник он сумел в короткий срок навести порядок на отделении...

Поведение Боровикова Н. И. обсуждалось на партийном собрании фермы... Гражданину Боровикову коммунисты объявили выговор и предупредили в последний раз. При повторении пьянства и отрицательного поведения он будет отстранен от должности и исключен из рядов КПСС».

Интересно все-таки, какой «порядок» навел на ферме № 3 опытный Н. Боровиков? И в чем конкретно заключается его опыт?

Впрочем, и то, и другое не составляет секрета. Имея столь высоких покровителей, Боровиков может продолжать применять свой богатый опыт на широкой ниве руководства людьми.

Вл. ЛОМАЗОВ.

НЕ МЕШАЙТЕ ИМ!

Вы все пишете, тов. Соломко! Житья от вас нет исполкому города Калининска, народному контролю Саратовской области, редакции областной газеты «Коммунист», Минздраву РСФСР.

Ну что вам дался этот склад ГСМ? Ну да, нефтепродукты вытекают из этого склада и далее струятся в реку. Эка невидаль. Мало ли что порой течет под ногами! И пока нельзя сказать, что речка ваша смертельно отравлена этими нефтяными струями.

А вы все колготитесь! Вас уже не устраивает тот факт, что выполнение решения исполкома г. Калининска о переносе склада ГСМ находится под контролем Саратовского облздрава. Ну да, согласно этому решению склад должны были перенести еще к концу 1985 года. Не получилось. Другие неотложные дела обрушились на занятых людей. У вас, что ли, все получается?

Полноте, тов. Соломко! Будьте умницей. Вы же знаете, когда принимают меры. Вот когда полностью омертвеет ваша речка, тогда соответствующие товарищи возьмутся за головы и перенесут склад. А пока чего в набат бить раньше времени? Тем более что товарищи из горисполкома, облздрава, санэпидстанции сейчас наверняка перестраиваются. Не мешайте им.

Ю. ЗАНЕВСКИЙ.

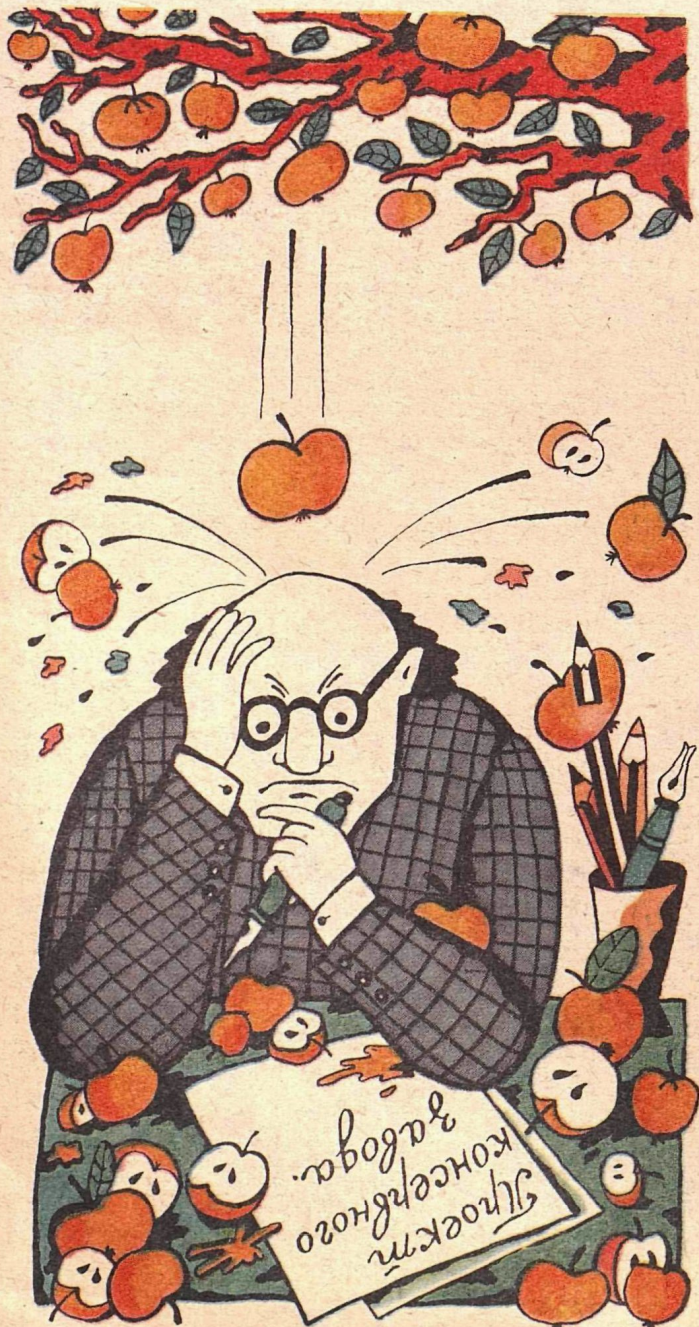

Рисунок О. ЗЕТИСА.

Рисунок В. ШКАРБАНА.

«ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ»

В ответ на критику качества швейных машинок Подольского механического завода главный инженер ПО «Подольскшвеймаш» Э. Зелинский отделался от редакции стандартной отпиской: мол, машинки сейчас проверены, отрегулированы, а потребителям указано на ошибки при эксплуатации. Дескать, пусть пеняют на себя, раз не умеют пользоваться. И ни слова о причинах брака. Что и было отмечено в обзорных официальных откликах «Предварительные итоги» (№ 4).

«...Статья обсуждена с работниками гарантийной службы завода и признана справедливой. В ответах покупателям не практиковался анализ причин возникновения жалоб и сообщение о принятых мерах по их сокращению», — говорится в повторном ответе Крокодилу главного инженера Э. Зелинского. На этот раз он подробно информирует редакцию о мерах, принятых после критики в адрес завода: «Ведется техническое перевооружение всего производства, построен новый производственный корпус, осуществляется внедрение 36 автоматических линий» и др.

Что касается бракоделов, то, по свидетельству главного инженера, «в 1986 г. возмещен ущерб конкретными виновниками на сумму около 41 тысячи

рублей. С четвертого квартала прошлого года на заводе действует госприемка, что позволило резко улучшить качество машин, поднять личную ответственность конкретных исполнителей, добиться в первом квартале 1987 года в сборочных цехах сдачи продукции с первого предъявления до 90—98 процентов».

«КОМУ ГРОЗИТ МАЛЫШ?»

Ежегодно в стране из-за детской шалости с огнем происходит 12—14 тысяч пожаров, и количество их растет. Дети не знают, что игры с огнем опасны; их этому не учат ни в детских садах, ни в школах; между тем Министерство просвещения СССР относится к данному вопросу, так сказать, без огонька — такая суть фельетона «Кому грозит мальчик?» (№ 3).

В ответе, полученном редакцией, заместитель министра просвещения СССР Ф. Штыкало признал справедливость критики и сообщил о мерах, принимаемых министерством для исправления огнеопасного положения. Так, в текущем году предусмотрено переиздание пособия для учителей «Чтобы не было пожара», принято решение об издании книги о пожарной безопасности и для школьников.

В 1987 году «будут введены новые Правила пожарной безопасности для общеобразовательных школ, школ-интернатов, детских домов, дошкольных, внешкольных и других учебно-воспитательных учреждений, которыми, в частности, предусмотрено внеклассное обучение учащихся правилам пожарной безопасности». Минпрос СССР намерен контролировать проведение этой работы.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ?

«Кто может поручиться, что аварийный дом не рухнет в любой момент? Кто будет отвечать, если рухнет?» — эти вопросы завершали фельетон «Взлет и падение ресторана «Колос» (№ 30 за 1986 год). В нем рассказывалось, как вместе с едоками рухнула общепитовская точка в городе Котовске Одесской области.

Ответы, полученные редакцией от Госгражданстроя СССР, прокуратур УССР и Одесской области, подтвердили, что одесский отдел комплексного проектирования «Укрпипроторга», СМУ «Южторгстроя», Одесское областное управление и Котовский городской комбинат общественного питания последовательно нарушили действующие нормативы на проектирование, строительство, приемку здания в эксплуатацию, а также правила технического содержания здания ресторана. Выявлена мера виновности должностных лиц этих организаций.

Однако, предположили мы, главный «преступник» — это головотяпство, безответственность, проявленные после того, как здание ресторана треснуло и возникла угроза его обрушения. Изловлен ли этот преступник в «Укрпипроторге» и Одесском общепите, какие выводы из происшедшего там

сделаны? Нам до сих пор об этом не известно: уважаемые организации молчат.

Разваливаются не только построенные «на живую нитку» рестораны. «Ежегодно в Одесской области обрушиваются десятки жилых домов», — писали мы; при этом в области не осталось ни одной организации, которая могла бы давать заключения о техническом состоянии ветхих и аварийных зданий. Что думают в Одесском облисполкоме по этому поводу? Молчание.

«Установленная система содержания и ремонта жилых и общественных зданий обеспечивает их сохранность при условии постоянного надзора за техническим состоянием указанных зданий и привлечения в необходимых случаях республиканских или ведомственных проектных, проектно-исследовательских организаций для их технического обследования», — безмятежно утверждает в ответе Госгражданстрой СССР. Но вот в весьма населенной области и в ее проектных организациях, оказывается, некому заниматься техническим обследованием аварийных зданий, нет специалистов, и «установленная система» развалилась на глазах вместе с рестораном «Колос»! Что сделано, чтобы эта «система» не давала впредь подобных сбоев? Госгражданстрой СССР об этом умалчивает. Так что, по существу, ответа на вопросы, вынесенные в начало этой заметки, мы не получили. А посему напоминаем вышеназванным организациям: ждем конкретных мер, а не простных отписок.

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА.

— Товарищи! Как же это получается? Он должен проверять результаты моей проверки, а оказался впереди меня!

Рисунок О. ТЕСЛЕРА.

**Б. ЛИВШИН,
специальный корреспондент
Крокодила**

...А ДОЦЕНТЫ ЛУЧШЕ!

— Все гниет — таков закон бытия, — вздохнула Л. Нестроева, начальник управления хранения Главленплодоовощпрома. — Однако на наших ленинградских базах убыль хранимой сельхозпродукции не превышает нормативов! И это благодаря применению передовой технологии.

Да, на овощных базах города действительно царил полнейший отчетный ажур. Передовая технология, а говоря проще — широкое привлечение представителей научно-инженерных кругов, направляемых в обязательном порядке на переборку овощей и фруктов, действовала безукоризненно. В частности, яблоки гнили, не выходя за рамки директивных процентов. В переводе на общепонятные числа это выглядело так: ежегодно отправлялось на свалку от 250 до 450 тонн гниль.

Однако нормы нормами, а полтыщи тонн сгублено. Поэтому и вопрос возникает естественный, как убыль: нельзя ли что-то придумать, чтобы сохранить продукты?

Оказывается, можно. Больше того, уже придуман удивительный материал под названием «Сигма». Он родился лет десять назад в Ленинградском Всесоюзном научно-исследовательском институте синтетического каучука имени С. В. Лебедева. Что же это за чудо? «Сигма» — это такая пленка, которая свободно пропускает воздух и, наоборот, решительно не пропускает влагу. Эти свойства и привлекли к новому материалу пристальное внимание специалистов по овощам и фруктам. В контейнерах, укрытых полисти-

леновой пленкой с вставками из «Сигмы», возникает микроклимат, продлевающий сроки хранения яблок, груш, цитрусовых и корнеплодов.

В первый год «Сигма» охраняла на ленинградских плодоовощных базах сто сорок тонн яблок. Результаты заставили ахнуть даже скептиков: потери фрукта сократились почти вдвое! На следующий год «Сигме» доверили уже четыреста тонн. Затем — пятьсот. Потери ощутимо снизились, а яблокам удалось сохранить товарный вид чуть не до нового урожая. Экономисты, пощелкав вычислительной техникой, определили, что применение нового синтетического материала в сезон 1984/85 года сэкономило государству около 75 тысяч рублей.

О «Сигме» заговорили взахлеб средства массовой и научно-технической информации, ученые-теоретики и производственники-практики. Тогдашний Минплодоовощхоз СССР тоже заинтересовался чудодейственной пленкой. Ленинградское отделение по Нечерноземной зоне ВАСХНИЛ уведомило, что оно считает применение «Сигмы» весьма актуальным и перспективным. Поклонникам «Сигмы» уже виделись ее триумфальное шествие по плодоовощным базам страны, сотни тысяч тонн сбереженной сельхозпродукции, что

исключало многие тысячи «доцентов-часов» непроизводительного труда на овощной базе...

А затем произошло событие, подлившее масло в огонь, пылающий в сердцах поклонников: во всесоюзном масштабе было принято решение о мерах по широкому внедрению такого рода материалов в отраслях агропромышленного комплекса, а также в медицинской промышленности и даже в здравоохранении.

— Ура! — закричали поклонники и принялись спешно готовить комплект технической документации для передачи его предприятиям и организациям, которые должны открыть «Сигме» зеленый свет в плодоовощное хозяйство страны...

Но, увы, разработчики «Сигмы» хорошо разбирались в химии и физике, однако были полными профанами в вопросах межведомственных отношений.

— Что это там за посторонние восторги? — удивился тогдашний министр плодоовощного хозяйства СССР Н. Козлов. Забыв в повседневной текучке, что возглавляемое им министерство уже было в курсе того, что «Сигма» существует и, следовательно, от министерства как самого заинтересованного, по идее, заказчика требуется-то всего лишь за-

**Николай
ЭНТЕЛИС**

ЛОЗУНГ ЛОЗУНГОВИЧ

— Дерзай!

Учись, дочурка Надя:
Ученые — факел в темноте!
Дневник и все свои тетради
Держи на должной высоте!

— Жена!

Проветривай жилище
По вечерам и по утрам!
Нам нужен кислород, как пища,
Как воздух, нужен воздух нам!

— Шофер Василий!

Будем строги
К тому, кто мчит как на пожар!
Веди машину по дороге!
Не заезжай на тротуар!

— В любом цеху

Трудитесь жарко!
Повсюду место есть мечте!
Боритесь за! Держите марку!
Стремитесь к должной высоте!

— В столовой снова недочеты,

Готовят скверно повара.
Улучшим качество работы!
Достигнем! Сделаем! Пора!

— В профкоме нет порядка тоже,

Наш долг — заботиться о нем!
Свои усилия умножим!
Ознаменуем! Развернем!

— Хочу сказать вам

На собрание,
Что времена теперь не те!
Мы выполнять должны задания
Всегда на должной высоте!

Нет, шеф отнюдь не лицемерит,
Твердя тирады день-деньской:
Он в самом деле твердо верит,
Что помогает стиль такой.

Но в суть вникать,

Считать, учиться,
Увидеть новшества резон,
К высотам подлинным стремиться —
Как видно, не умеет он.

И как ни часты эти речи,
И как ни яростны слов букет,
Заводу явно хвастать нечем,
И перестройки —
Нет как нет.

...Есть стул высокий на заводе,
Но этот стул, по сути, пуст,
Пока заводом верховодит
Подобный горе-златоуст.

Сказать ему б в конце собрания:

— Трескучей хватит суесть!
Вы устарели! До свиданья!
Уйдите с должной высоты!

Если вы любите тресковую уху и котлеты из пикши, да так, что жить без них не можете, не теряя времени, езжайте в Мурманск. Потому что эти рыбные блюда и некоторые другие на грани исчезновения...

О причинах скажу позже, а пока советую рассчитаться на работе и надолго попрощаться с семьей. Вам придется выйти в море на промысел в качестве матроса-рыбообработчика в экипаже траулера, промышленящего треску и пикшу в Баренцевом море.

Рейс запомнится, пожалуй, не меньше, чем запомнилось бы восхождение на Эверест или путешествие через Атлантику в шлюпке. То есть полное раздолье для самоутверждения, проверки физических и моральных сил, закалки характера. Причем главные испытания уготовила вам не разбушевавшаяся морская стихия, играющая с траулером в чехарду, а Министерство рыбного хозяйства СССР, отвечающее за обеспечение рыбодобывающих судов надежной разделочной техникой. Для трески и пикши в частности.

Итак, первый трал на борту. Это десятки тонн рыбы, подброшенные вам стариком Нептуном для ухи, котлет и выработки характера.

Н. РЫНДИЧ, специальный корреспондент Крокодила

ХОТИТЕ ВЕРЬТЕ, ХОТИТЕ НЕТ, НО ОБРАБОТКА РЫБЫ ДО СИХ ПОР ВЕДЕТСЯ НОЖОМ И ЛОПАТОЙ

Сразу же забудьте о дисплеях, кнопках и электронных цепях на линии разделки рыбы: на ПСТ — посольно-свежьевых траулерах, добывающих треску и пикшу, до электроники пока дело не дошло.

Шкерка, то есть разделка рыбы, — сугубо ручная операция. Вооружайтесь шкерочным ножом — и за дело. На обработку одной рыбы — 5—6 секунд, не более. Иначе будет завал. Вот так начинается самоутверждение. Треска холодная и скользкая, как обломок

льдины. Взмах ножа, еще взмах! Что, не получается? Ах да, забыл предупредить вас. Ножи-то какие? Кандакшского машиностроительного опытного завода? Тогда все правильно, с ножами будьте поаккуратнее. Рыбья голова — слишком твердый предмет для них. Значит — через каждые 15 минут. А точильщика в штате нет...

Но пошла рыба неудержимым потоком. До 45 т в сутки обрабатывает цех.

Что, хочется домой? А треску и пикшу любите? И потом — будьте мужчи-

У нас еще зачастую выступают с огульными демагогическими обвинениями под видом критики...

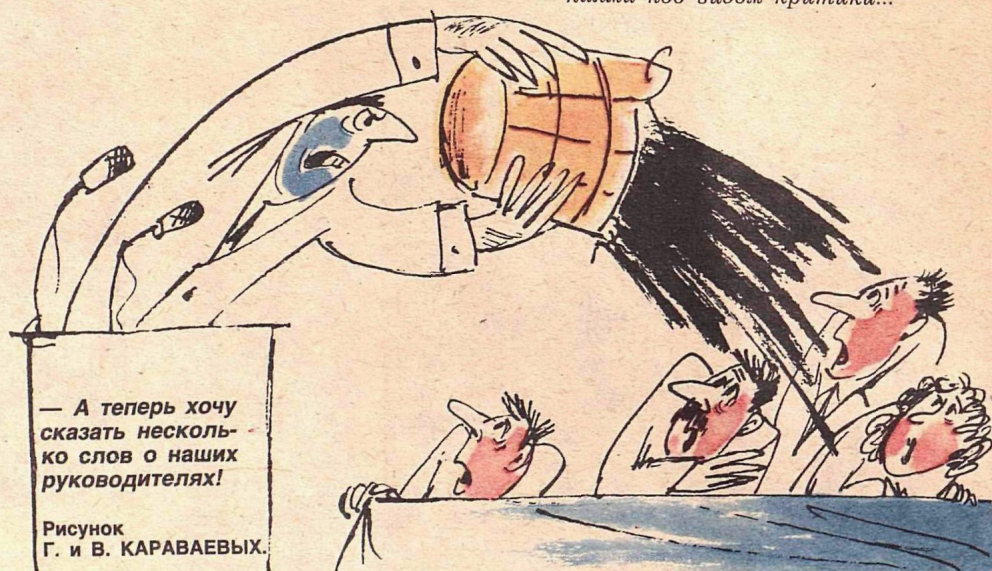

Рисунок
Г. и В. КАРАВАЕВЫХ.

НАЧЕТЧИК

Рисунок Ю. ЕРОФЕЕВА.

...А ДОЦЕНТЫ ЛУЧШЕ!

Со стр. 3.

явка на промышленное производство этого уже существующего селективного материала, министр поручает своему институту НИПКИ-плодоовощхоз (Тбилиси)... заново разработать и внедрить материал, подобный «Сигме». Свой собственный. С нуля...

И хотя «Сигма» к этому времени оправдала уже самые радужные надежды, хотя в ее испытаниях и внедрении принимали участие, помимо Института имени С. В. Лебедева, такие авторитетные организации, как Ленинградский технологический институт холодильной промышленности, Институт советской торговли и специальное проектно-конструкторское бюро Главенплодоовощпрома, тбилисцы начали свои собственные исследования, поиски и решения. Опытным же полигоном они избрали... ленинградские плодоовощные базы. И с этих дней между городами на Куры и на Нева возникла устойчивая командировочная и телефонно-телеграфно-телетайпная связь...

Естественно, в таких условиях ленинградской «Сигме» пришлось отступить на самые второстепенные позиции. Нет, теоретически ее продолжали всемерно превозносить да расхваливать. На представительной выставке «Интенсификация-90» новому материалу выделили даже специальный стенд, предвещая солнечное будущее. А вот что касается настоящего, то оно было скорее мрачно-печальным. Планы в отношении «Сигмы» были откорректированы: вместо девяти-

сот тонн яблок, на которых ее предполагалось применять в 1986 году, «Сигме» поручили лишь триста тонн...

Но, может быть, с материалом, разработанным тбилисцами, дело обстоит лучше? Отнюдь. Больше того: материала того практически нет. За прошедшие два года получены лишь опытные образцы, от которых... наотрез отказались овощные базы. По причине малоэффективности и дороговизны.

Создание Госагропрома СССР разметало ведомственные барьеры, вобрав в себя и бывший Минплодоовощхоз. Поэтому разработчики «Сигмы» из Института имени С. В. Лебедева написали председателю Госагропрома В. Мураховскому о зловключениях своего дитяти. После чего, естественно, дело сдвинулось: их пригласили... к международным переговорам с Москвой.

— Что это вы, наши хорошие, вздумали самому председателю писать, словно нет у вас нас, нижестоящих компетентных инстанций? — пристыдил разработчиков бывший ведущий специалист по хранению Минплодоовощхоза В. Андреев, перебравшийся ныне со своим столом в Госагропром. — По таким вопросам следует обращаться прямо ко мне. К тому же я и «Сигму» вашу знаю, причем с самой хорошей стороны.

Разработчики повинились в некоторой некомпетентности в части субординации и мгновенно исправились: адресовались с аналогичным письмом уже к ведущему специалисту В. Андрееву. Но, видимо, в характере ведущего обидчивость занимала одно из ведущих мест: он даже не ответил на послание...

— А что ж я мог ответить? — поясняет спецкору Андреев. — Поймите нас: у Госагропрома положение странное. Мы очень хотим внедрить эту упаковку с «Сигмой», и как можно скорее, но... Но изготовлять ее для нас поручено, кажется, Минхимпрому. А они ничего не делают! Что же, нам изготовлять ее самим? Но это для нас несвойственное дело... В общем, только химики в курсе.

— Мы в курсе, — подтвердил зам. начальника управления по науке и технике Минхимпрома И. Бесфамильный. — Точно знаю: не было нам никакого поручения по «Сигме». По другим материалам — было, а по «Сигме» — нет. Что имел в виду Андреев, не знаю...

Итак: одни в принципе могут делать, но им не было поручено; другие в принципе очень хотят получать, но ждут, пока им поднесут высокоэффективную «Сигму» на блюде... Тупик? Но ведь дело-то яснее ясно. Нужен новый материал, чтобы прекратить наконец громадные потери сельхозпродукции при ее хранении. Но для этого нужно что-то предпринимать, шевелиться, думать об организации выпуска селективных материалов, выискивать предприятия, которые бы согласились изготовлять их, надо выбивать фонды... Словом, искать неизведанные пути, на которых того и гляди встретятся рытвины да ухабы.

Короче: прогрессивные методы хранения хороши, а привычные, при которых как доценты с кандидатами, так и служащие с рабочими ежедневно откомандировываются на плодоовощные базы для переборки овощей и фруктов, куда лучше. Никаких забот.

г. Ленинград.

ной. Рейс — 105 суток. До конца еще далеко. Если так каждый начнет малодушничать, то кто будет давать стране рыбу? Продержитесь хотя бы один рейс. Да, работать придется по 12 часов в сутки, ничего не поделаешь. План рейса — почти 1500 тонн. И каждую рыбку — вручную. А что делать? Рыбо-разделочных машин нет. Да вы не расстраивайтесь. Посмотрите, вокруг вас почти весь экипаж! Электрики, мотористы, камбузники — все помогают вам. Они сами только что сменились с вахты, шатаются от усталости, но вышли на подвахту. Потому что понимают: одним матросам-рыбообработчикам не справиться. Завалит их тут всех рыбой — не найдешь...

Вообще-то машина для разделки трески была. ИР2-С называлась. В 60-е годы выпускал ее ленинградский завод «Продмаш» по чертежам конструкторского бюро Полярного НИИ морского рыбного хозяйства и океанографии. Машина работала плохо: не обеспечивала отбора печени. До этого 15 лет ее усовершенствовали, но так и не нашли правильного конструкторского решения и в конце концов забросили. И с тех пор к этому вопросу никто не возвращался...

Однако хватит разговоров. Разделкой рыбы процесс обработки не кончается. Скорей на транспортер — и на засолку. Что? Не идет рыба по транспортеру вверх, сползает вниз? Так что же вы стоите?! Толкайте треску! Как это чем? Руками! И веселее, веселее, иначе завал будет. В чем дело, спрашиваете? Лента не та. Гладкая, не рифленая, от гравийного транспортера... Какую дали снабженцы.

Ну вот, кажется, и пошла рыба вверх по транспортеру. Знаете, что такое «солист»? Нет, партия Евгения Онегина здесь ни при чем. Это не из той оперы. Солист — это помощник мастера по обработке рыбы. Но тоже очень нужный человек. Он солил рыбу. Каждую в отдельности набивает солью и укладывает в трюме. Что «как»? Ручками, ручками! Из механизмов пока одна лопата...

Я так понимаю: вам уже не очень хочется тресковой ухи и котлет из пикши... А насчет самоутверждения как? Тоже раздумали? Все ясно. Не вы первый, не вы последний.

Но, сами посудите, если не вы, я, он, то кто же работать будет, добывать сырье для рыбных блюд? Для этого сюда вас и приглашали. Людей потому

что мало. Мурманский траловый флот теряет около 1000 работников в год. Люди не выдерживают нагрузок, уходят... И вы списываетесь после рейса? Оставляете товарищей в трудный момент? Ведь вы же теперь знаете, какая работа ложится на плечи каждого рыбака! А с первого января 1987 года стало еще тяжелее: по приказу Минрыбхоза СССР производится значительное сокращение численности экипажей. Планируется сократить отдельные экипажи ПСТ почти на четверть.

С одной стороны, вроде бы идем в ногу с веком: большую работу — меньшим числом людей. А с другой стороны — никаких для этого условий. Уровень механизации производства остается прежний. Шкерочный нож да деревянная лопата — ничего другого Минрыбхоз СССР предложить рыбакам пока не может.

Но когда же решится вопрос механизации обработки рыбы на посольно-свежеев траулерах? И как будет компенсироваться нехватка людей для разделки рыбы на ПСТ в условиях резкого сокращения численности судовых экипажей? И неужто человечество до сего

дня не изобрело ничего, что облегчает поистине первобытный труд рыбообработчиков? А если все-таки изобрело, то почему бы нам не позаимствовать уже готовую технику и технологию у других?

С этими вопросами я решил обратиться к заместителю министра рыбного хозяйства СССР Н. П. Кудрявцеву, курирующему отраслевую технику.

Но замминистра через своего помощника отказался встречаться и разговаривать со мной по этим вопросам, сославшись на занятость. Видимо, Николай Павлович решил, что предлагаемые вопросы — лишь предлог для того, чтобы прорваться в его кабинет. А прорвавшись, я, мол, тотчас заведу утомительную беседу о проблемах аквариумного рыбоводства или изготовления самодельных блесен...

Да, судя по отношению к затронутым вопросам со стороны одного из руководителей отрасли, обработка рыбы на ПСТ еще долго будет оставаться узким местом.

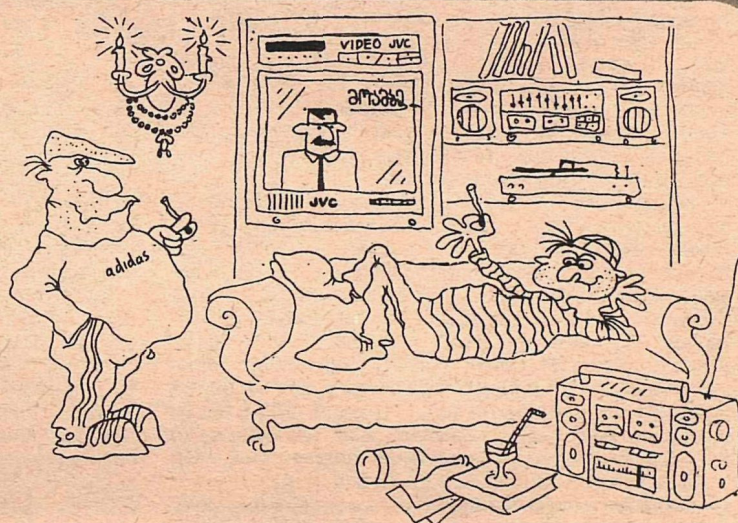
Послушайте, друг-читатель, а может, все-таки махнем опять в Мурманск еще на один рейс? Если, конечно, вы неравнодушны к тресковой ухе и котлетам из пикши...

Мурманск — Москва.

— Учитесь самостоятельности! От меня никаких указаний больше не ждите!

Рисунок
И. НОВИКОВА.

СПЕЗМЕ

«НИАНГИ», Грузинская ССР.

— Папа, пойти мне, что ли, экзамены сдать?
— Лежи, сынок, я уже сдал.
Рисунок Г. КИКАЛИШВИЛИ.

Б. ПОЮРОВСКИЙ

СПОРТ + ИСКУССТВО, или КАК ПИШУТСЯ СЦЕНАРИИ ЗРЕЛИЩ

Если вы думаете, что написать сценарий для представления на стадионе или во Дворце спорта — раз плюнуть, должен вас разочаровать. Это труд, требующий недюжинной эрудиции, не говоря уже о знакомстве с режиссерами, редакторами, артистами и спортсменами.

Первым делом придумайте название! Оно должно быть коротким и зазывным. Дальше постарайтесь дать развернутый пролог. Лучше всего использовать кинохронику. Скажем, начиная с 300-летия дома Романовых и заканчивая нашими днями. Затем можно сделать небольшой антракт и пригласить зрителей на концерт мастеров искусств. Желательно, чтобы были известные имена. Иначе как заполнить зал? А без этого что за смысл стараться? Откуда авторские пойдут? Да и никто не станет с вами разговаривать в Москонцерте, если вы не укажете в сценарии, что получили принципиальное согласие на участие у Аллы Пугачевой, Валерия Леонтьева, Владимира Винокура, Софии Ротару, Геннадия Хазанова плюс несколько кинозвезд и чемпионов мира по разным видам спорта...

Недавно мне попалось два таких сценария. Оба они приняты и оплачены репертуарно-редакционным отделом Москонцерта по 1500 рублей за каждый. Один из них называется «Азбука революции» — его сочинили И. Виноградский и В. Жак. Он был поставлен недавно во Дворце спорта в Лужниках. Другой — «Лед и пламя» — пока только принят и ждет премьеры. Своим появлением он обязан Н. Озерову и Н. Рыкунину (нет, это не однофамильцы, а те са-

мые народные артисты РСФСР). Оба сценария написаны примерно по такому принципу, о котором я рассказывал, хотя есть и некоторые нюансы.

Например, авторы «Азбуки революции» решили дополнить знаменитые светловские строчки своими собственными, предложив какой-то коллаж на темы «Гренады».

Это бы еще ладно, но, оказывается, авторам и самим не чужда поэтическая жилка:

«...Младенец народился. Ишь ты...
Успел лишь воздуха глотнуть
И тут же требует и ищет
Еще неведомую грудь.
Она наполнена, как чаша,
Она округла, как Земля,
И жизнь, жизнь держится на струйке,
На теплой струйке молока.

От голодух и похоронок
Перегорало молоко.
А дети малые орали,
Худые груди теребя,
И вместе с молоком вбирали
И горечь терпкую в себя».

утверждают И. Виноградский и В. Жак.

А вот еще один пример изящной словесности, на этот раз из сценария «Лед и пламя»:

«Нет ничего прекраснее на свете,
Чем встреча с вами,
Чем минуты эти.
Да, стоит жить

Хотя бы ради
Этих нескольких минут!
Друзья!

Ваш отдых —
Это труд наш!
И к тому ж
Наш праздник!
Праздник мысли,
Праздник чувства.
Да здравствует спортивное искусство,
Да здравствует единство наших душ!

Субботник дружен был и весел,
Жильцы все вышли как один.
Трудились люди всех профессий:
Десятки женщин и мужчин, —
Дворы, панели подметали
Врачи, артисты, кузнецы...
С балконов дворники кричали:
Мо-под-цы! Мо-под-цы!

Директор городской столовой
На «Скорой помощи» умчал.
Он что-то съел из блюд готовых
И тут же в обморок упал.
Когда ж его насквозь промыли
В халатах белых молодцы,
Он закричал что было силы:
Го-луб-цы! Го-луб-цы!».

Так и хочется крикнуть вместе с доморощенными поэтами: «Мо-под-цы!» Но что-то от этого крика меня пока удерживает. Да и не мое это дело — кричать. Я ведь просто хотел поделиться наблюдениями, как пишутся сценарии. А оценивают их художественный руководитель репертуарно-редакционного отдела Москонцерта В. Эк и его сотрудники. И, как видим, неплохо оценивают...

КРОКОДИЛЬСКОЕ ВЕЧЕ

«Синекура для робота» (№ 7, 1987 г.).
 «Неравноправный огурец» (№ 21, 1986 г.), «Принципы и вериги» (№ 33, 1986 г.).
 «Некондиционный богатырь» (№ 19, 1986 г.), «Нитраты и утраты» (№ 3, 1987 г.).
 Ежемесячные репортажи Крокодильского Контрольного Поста.

Уважаемый Крокодил!

Еще свежи воспоминания о 30 тысячах роботов, внедрение которых директивно, без каких-либо экономических обоснований было навязано Минприбором своим подведомственным предприятиям. Что вышло из этой волюнтаристской авантюры на рижском заводе «Гидрометприбор», ясно видно из фельетона «Синекура для робота». Теперь добрались и до нас, рижского НПО «Техноприбор» той же системы Минприбора. Недавно стало известно, что министерством «спущено» новое задание: спроектировать, изготовить и внедрить в отрасли 500 автоматизированных роторно-конвейерных линий (РКЛ). В том числе нашему НПО — сто. Естественно, для выполнения работ в таких объемах нам потребуются привлечь все имеющиеся наличные силы конструкторов, да и этого вряд ли хватит...

Конечно, РКЛ — это хорошо: новое слово в технике, прогресс, автоматизация и так далее, но... непонятно, откуда же взялась эта цифра — 500? Ведь, насколько я знаю, она совершенно не отражает **реальной потребности** Минприбора в таких линиях. По самым грубым подсчетам, отрасли может потребоваться РКЛ не более ста... При этом надо учесть, что ни одна из роторных линий, планируемых к проектированию в Рижском НПО, не имеет в наших условиях экономической эффективности! Да и сроки создания линий могут растянуться на несколько пятилеток (например, внедрение аналогичной РКЛ в Латвийском заняло более десяти лет...).

А теперь мы должны бросить всю свою работу по созданию действительно высокоэффективных станков (на одном только Казанском ПО «Теплоконтроль» выгода от их применения составила около полумиллиона рублей!) для выполнения **нереальных планов по РКЛ**, взятых попросту «с потолка»! Ясно, что применение линий там, где они не будут эффективны, приведет только к дискредитации самой идеи РКЛ, не говоря уж о громадном моральном и материальном ущербе.

В. ПРОКОПЕНКО, главный конструктор проекта Рижского НПО «Техноприбор».

Здравствуй, товарищ Лиходеев!

Ваши статьи «Неравноправный огурец» и «Принципы и вериги» мудры и честны от первой до последней буквы. Бесконечно благодарен Вам за эти публикации. Но... есть один «маленький» вопросик, и я его Вам задам, хоть, может быть, он для Вас не слишком приятен: разве после этих статей что-нибудь изменилось?

Разве наш Волгоградский облисполком не **закроет выезд из области** в разгар плодоовощного сезона? Разве brave работники Госавтоинспекции **перестанут терроризировать** на загородных трассах тех, кто осмелится на своей личной автомашине везти абрикосы или помидоры в Тамбовскую либо Воронежскую область? Разве **прекратят** местные власти **громить и крушить пленочные укрытия** для ранних овощей, **перерезать линии трехфазного тока**, чтобы помешать нам подкачивать воду для полива овощей? Разве **перестанут весной ходить комиссии по дворам и дотошно измерять площадь под пленкой**? И упаси бог, если площадь эта окажется более 20 квадратных метров. В этом случае либо сам ломай, либо тебе помогут... Интересно, какой же умник ввел такое ограничение — 20 метров? То есть в открытом грунте, пожалуйста, выращивайте сколько хотите, а под пленкой — только 20, и ни сантиметром более?! А огурец-то, он, допустим, из Индии. Ему микроклимат подавай, влажность определенная нуж-

на. А при нашем-то, волгоградском, засушливом лете огурцу этому в открытом грунте больше месяца не протянуть. Но разве кому докажешь?! Не положено, и весь разговор...

Вот я и говорю: Вашим бы статьям да законодательную силу!

С уважением

Игорь ВЫШИНСКИЙ, 30 лет, рабочий, г. Волгоград.

В фельетоне Ю. Борова «Некондиционный богатырь» и материале «Нитраты и утраты» очень убедительно показано, что основная причина чрезмерной гибели овощей кроется в избыточном содержании азотных удобрений (нитратов и нитритов).

Считаю, что с целью спасения овощей и картофеля нового урожая необходимо срочно **создать государственную приемку сельскохозяйственных культур в системе Госстандарта СССР**.

Создание такой госприемки позволит проводить независимый от агропрома контроль за содержанием азота и других химикатов в процессе выращивания, а не тогда, когда овощи и другие культуры поступят уже на базы и в магазины. Система госприемки должна быть в первую очередь создана в тех регионах, где выявлены наибольшие потери при хранении овощей и картофеля, а в почве скопилось много остаточного азота (Московская и Ленинградская области, Казахстан и др.). Государственная приемка позволит не только сохранить продукты, но и оградит здоровье людей от вредного воздействия химикатов.

Г. МИХАЙЛОВСКИЙ,

кандидат медицинских наук, г. Москва.

Уважаемые крокодилы! К вам обращается рядовой тракторист Носиков Леонид Константинович. Вы подняли вопрос о тяжелых гусеничных тракторах. Этот вопрос, на мой взгляд, давно назрел и даже перерел. Такой Т-250 нужен был сразу после поднятия целины, то есть в начале 60-х годов. И вот уже почти тридцать лет ни заводы, ни многочисленные НИИ не могут разработать трактор, за который мы, трактористы, сказали бы им огромное спасибо...

Но я хочу сказать вот о чем. Тот новый трактор Т-250, который сейчас с таким скрипом создается, **не унифицирован**. А что это значит? Это значит, что если выйдет из строя какая-нибудь деталь, то, например, со списанного «Кировца» или ДТ-75 такую не поставишь. Значит, вышедшую из строя деталь приходится выбрасывать в металлолом и ждать, когда пришлют другую. Вот и валяются кучи ржавеющего металла на полях, на машинных дворах и на складах хозяйств.

Очень большой вопрос — **выносливость узлов и деталей**. Почему ходовая часть тракторов делается из такого слабого металла? Неужели машиностроители не понимают, какая на него ложится нагрузка?

И еще. Вот вы взяли за трактор Т-250. Это хорошо. Но ведь к этому трактору еще **нужен целый шлейф машин для обработки почвы**. Думают ли машиностроители об этом? Или они решили сперва сделать трактор, а уж потом машины к нему? Спрашивается, на сколько же это лет растянется! А нам такой трактор с прицепными орудиями необходим позарез.

Л. НОСИКОВ,

с. Малышево Хохольского района Воронежской области.

— Не волнуйтесь, в случае чего мы вам выдадим больничный!

СНЕЖНЫЕ РАЗДУМЬЯ

Что снег для нас? Житейские детали. Пустое. Мелочевка. Трали-вали. Москвой он прошуршал в иные дали тому назад недели эдак две. А нынче за свое берется заново и валит от Перова до Чертанова. Повторно валит. Хлопьями. Внепланово. Что под Москвою. Что в самой Москве.

Летит, скопившийся в белесых тучах. И нет на улице прохода в кручах — в сугробных, в нарастающих, в выбучих. И стынет перед ними инвалид, пока другие прыгают по кручам все... Когда же мы от этих мук отмучимся и все-таки работать-то научимся? — рождается во мне гражданский стыд.

Терзает он меня, как та обида, что исподволь берет, подспудно, скрыто. Я провожу по кручам инвалида, еще кому-то руку подаю. Арбатские, таганские, покровские — таковские мы или никаковские? Куда исчезли дворники московские, работу уважавшие свою? В каких там нетях бойкие лоточники, и виртуозных навыков сапожники, и маляры, по существу, художники, и выучки престижной повара? Кто смастерит скамеечку у дома за просто так — не за рубли домкома? Кто вывезет завал металлолома — пусть за рубли — со школьного двора?

Кто разберет трухлявые заборы? Кто распродаст без брани помидоры? Кто упразднит никчемные конторы и прочее, о коем помолчу?

Рисунок А. КАПНИНСКОГО.

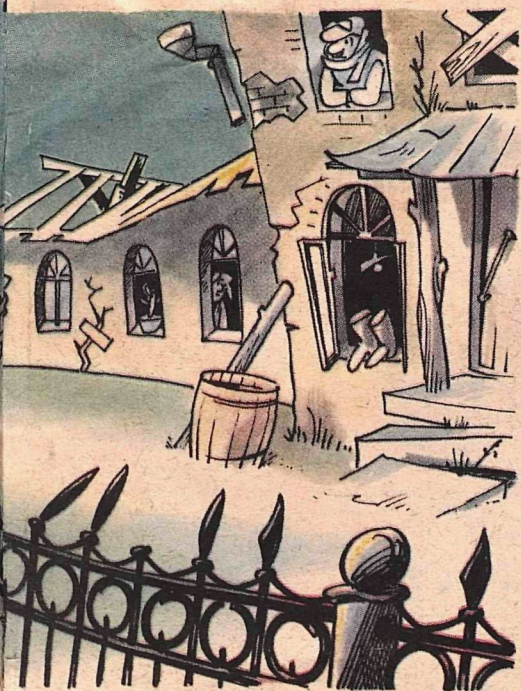

Рисунок В. МОХОВА.

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

— А мы собрались в деревню отдыхать.
— Завидуем. А мы в Сочи — работать...

Нам, битым непутевым этим бытом,
нам, людям трудовым и домовитым,
нам, москвичам, нам, бывшим москвитам,
Москва и по душе, и по плечу.

И спящая. И в пиковом угаре.
Доколе в магазинах, на бульваре
или в столовых слышать нам «Не баре!»
от тех, кто словно баре там сидят?
Хозяину пристало быть хозяином,
чтоб не в случайном будущем, а в чаяном
московским неухоженным окраинам
стать чище центра. Даже в снегопад.

На брюках и штиблетах пятна грязи:
народ седой, как говорится, в массе
перебирает овощи на базе,
где вечный недобор рабочих рук.
Народ нешумный: годы все же годы.
Народ все больше умственной работы:
кассиры, инженеры, счетоводы,
а то и доктора еще наук.

В глазах у них, понятно, не без хруста
плывет белокочанная капуста.
Плывет картошка, чтоб ей было пусто.
Но люди долга все до одного
стараются, сопят, сутулят плечи.
Тот — гипертоник. У другого — печень.
В родном НИИ окладом обеспечен
иной из них таким, что о-го-го.

Окладом крупного специалиста.
Под музыку Бетховена и Листа
идет работа слаженно и чисто.
Как вдумаешься в эту суть вещей,
так и махнешь рукой: ума палата
заместо рядового автомата,
каким и довести бы до ума-то
и нас, и сортировку овощей.

Труд для труда высвобождает руки.
И вот на свет в сомнениях и в муке
явилось-таки детище науки,
чтоб заменить собой десятерых.
Но эти замененные мужчины,
не зная ни беды и ни кручины,
вдесятером теснятся вокруг машины:
не обойтись, мол, детищу без них.

Все десятеро хорошо одеты.
Все десятеро подают советы
одиннадцатому: нажми на это,
а то вон, дескать, резче крутани.
Да не мудри, а действуй тут попроще...
Во всей своей разумности и мощи
машина, будто кур, попавший в оцепь,
перемогается за днями дни.

Машина — долгожданный плод науки.
Но устали не ведая и скуки,
десяток замененных — руки в брюки —
вокруг нее стоит не на живот,
а на смерть: это ясного яснее.
Взираю на машину, как во сне, я,
гадая: мы вперед шагнули с нею
или, увы, совсем наоборот?

Скромный человек влюбился в дело.
В дело без границы и предела.
В то, какое сразу закипело,
им переиначенное сплошь.
И жена волнуется о муже:
стал получше он или похуже,
поотзывчивей или посуше —
сразу как-то, право, не поймешь.

Женщина охвачена тревогою.
И не зря, поскольку очень многое

словно перед дальнею дорогою,
человек пересмотрел в себе.
Многое — привычки и натуру.
Многое — смекалку и культуру.
Многое — с улыбкой, а не хмуро
судит он о собственной судьбе.

Человеку по сердцу работа —
та, что наконец не без полета.
Та, в которой кроется забота
за мгновение и за целый век.
Кто тут против? Что там не готово?
Где за все придется браться снова?
Будет дело, если в этом слово
дал влюбленный в дело человек.

СЕГОДНЯ

С чего мне так сегодня молодо?
С того, что словно мир старо:
чуть седина мужчине в бороду,
как тут же бес ему в ребро.

В ребро — смешки меня касаются.
В ребро — мне горе не беда.
В ребро — вокруг одни красавицы.
В ребро — и сам я хоть куда.

В ребро — весь день брожу по городу.
В ребро — ищу твои следы.
Знать, седина и впрямь мне в бороду,
хоть не ношу я бороды.

Куда с ней в нынешнем столетии
от мотоцикла до метро?
К тому же — бритый — не в ответе я,
что бес под старость мне в ребро.

Но как резвится он, аукая!
Как тешится, теряя стыд!

Владимир САВЕЛЬЕВ

Вновь ликованием и мукою
меня исполнить норовит.

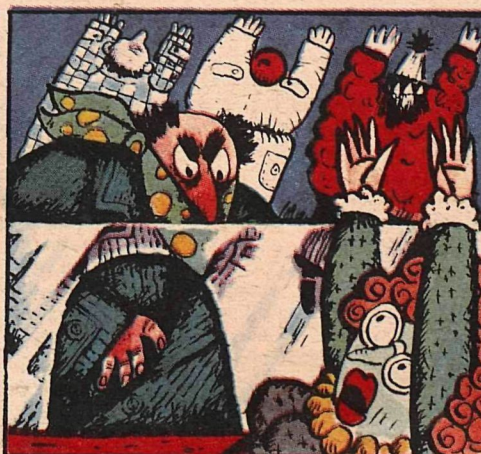
С дорог толкает на обочины,
сводя посулами с ума.
Вновь вокруг меня сосредоточены
машины, люди и дома.

Опять и солнце по-над кленами,
и городские ветерки,
и эти воробьи с воронами
берут разбег с моей руки.

С руки, зовущей десницейю.
Я от луча и до луча
гуляю древнею столицею,
обрывки истин бормоча.

Все я забыл. Про все я ведаю.
Под песнь, звучащую в ушах,
вновь завершается победою
любой мой шаг и полушаг.

И небо надо мною синее,
как будто на бесовский зов
к тебе отправился лишь ныне я —
и ныне начал жизнь с азав.

FIRST AMERICAN/SOVIET CULTURAL EXCHANGE OF HUMORISTS 1987

Мы стояли с Джимом Бореном на берегу Потомака...

Еще там, в США, было решено начать репортаж о поездке в Америку именно этой фразой. Может быть, она не так уж и хороша, но у нее есть одно неоспоримое достоинство: она должна вызвать у читателя ряд вопросов, отвечая на которые мы и расскажем, как, почему и для чего очутились на берегах чужой реки.

Итак, мы стояли с Джимом Бореном на берегу Потомака. Был довольно прохладный вечер. Чужие звезды вперемешку с огнями большого города отражались в черной воде. Загораживая нас своей широкой грудью от свежего ветерка, Джим сказал:

«ЭТО ХОРОШО,
ЧТО ВЫ ПРИЕХАЛИ»

Мы — это первая в истории взаимоотношений между СССР и США делегация советских юмористов. Кроме авторов репортажа, в нее входили фельетонист газеты «Правда» Валентин Прохоров и редактор армянского сатирического журнала «Возни» («Еж») Арамаис Саакян.

Нам предстояло принять участие в VI Всемирной конференции по сатире и юмору в г. Темпи (штат Аризона) и совершить путешествие по маршруту Вашингтон — Питтсбург — Финикс — Темпи — Лос-Анджелес — Питтсбург — Филадельфия — Нашвилл — Питтсбург — Вашингтон. Если вы посмотрите на карту США, то увидите, что мы дважды должны были пересечь североамериканский континент по довольно причудливо изломанной линии, зигзаги которой объясняются весьма просто: почти все воздушные дороги в США идут через Питтсбург.

В программу поездки входили также конференции, симпозиумы, «круглые столы», диспуты по проблемам советского и американского юмора в четырех университетах — Калифорнийском, Лонг-Бич (Лос-Анджелес), «Темпл» (Филадельфия), Вандербилта (Нашвилл), встречи с преподавателями и студентами факультетов и отделений русского языка и литературы, деятелями культуры, журналистами...

Не правда ли, многовато для двух недель?

31 марта небольшой, но дружный и хорошо вооруженный «красный десант» высадился с ИЛ-62 в Вашингтонском международном аэропорту. Вооружение пятерки составляли авторучки, флوماстеры, блокноты, фотоаппараты, 60 карикатур крокодильских художников и примерно столько же книг советских сатириков и юмористов, среди которых были Булгаков и Зощенко, Ленч и Жилинский, Зорин и Арканов...

Толпы встречающих у трапа не было. Более того, не было даже трапа. Какой-то гигантский гибрид автобуса и гармошки, резво подкатив к самолету, отсосал содержимое нашего ИЛа, промчался по бетону и, словно пасту из тюбика, выдал нас в небольшой зал аэропорта.

Процедура перехода из одного мира в другой оказалась удивительно короткой. И вот уже мелькают за окном американского «рафика» пейзажи вашингтонских пригородов. Пялим глаза на неведомые ярко-желтые цветущие кусты на обочинах шоссе, знакомимся с хозяевами, тепло встретившими нас. Херберт Каммингс — президент ав-

торитетной в США общественной организации «Библиотека всемирного юмора». Сухощавый, седой, подтянутый. В прошлом — дипломат. Это он был одним из инициаторов и организаторов нашей поездки. Барбара Каммингс — его жена и помощник. Строгая на вид, но, как оказалось, добрая, милая, заботливая хозяйка. Джим Борен — известный сатирик, публицист, общественный деятель. Душа, мотор непростого предприятия — обмена делегациями советских и американских юмористов. Большой, веселый, ироничный. Он — президент придуманной им «Всемирной ассоциации профессиональных бюрократов». Элис Борен — жена Джи-ма. Высокая, стройная. Очки делают ее похожей на учительницу. Типичная (по нашим представлениям) американка. Забегая вперед, скажем, что она во время всей нашей поездки по стране неизменно излучала истинную доброту и радушие. Словно заботливая наседка, оберегала нас, тщательно пересчитывая советскую пятерку в отелях, концертных залах, аэропортах, автобусах, на улице, дабы никто не потерялся. То и дело слышалось ее нежно-забоченное: «One, two, three, four, five!» И потому мы не сговариваясь прозвали Элис Миссис Файв — Миссис Пять. Что, как нам кажется, нравилось ей.

— ВСПОМИНАЙТЕ
О НАС
У СЕБЯ
ДОМА!

— THINK OF US
IN YOUR
HOMELAND!

REGARDS,
PARKER.

После симпозиума американский карикатурист Паркер подарил нам свой рисунок. «Это что, виски, джин?» — поинтересовались мы. «No, no, — возразил Паркер. — russian KVASI»

Получил прозвище и Борен. Дело в том, что плотность программы, за которую он отвечал, не оставляла нам времени на вольные прогулки, долгие чаепития и прочие туристские приятности. Едва успевали мы войти в отель очередного города, как Джим бодро возглашал: «Файв минитс!» — «Пять минут!» Это значило, что ровно через пять минут мы все должны собраться внизу и следовать на очередную встречу. Вот и стал у нас Борен Джимом Пять Минут...

У Элис, которую уже через день звали мы просто Алисой, было множество забот: размещение в отелях, билеты на самолет, концерты, спектакли, багаж... Но ни разу улыбка не покинула ее уста. Нежный голос Алисы неизменно звучал по утрам в телефонной трубке: «Гуд морнинг!» И это значило, что 4—5 часов, отпущенных нам программой на сон, уже истекли и пора снова «седлать коней», заправлять их легким брэкфестом и скакать по американским градам и весям. Признаемся честно, в эти минуты голос Алисы не казался нам ангельским. Но программа есть программа, и осуществлялась она неукоснительно с поистине американской деловитостью и энергией, не давая сбоев.

Вечером, еще не успев прийти в себя после двенадцатичасового перелета, оказались мы в доме Каммингсов. В глазах мельтешили видения американской столицы: Белый дом, Капитолий, цветущая сакура в аккуратных скверах, «карандаш» Джорджа

Вашингтона, бездомный, укладывающийся спать на решетку вентиляции, лавины автомобилей...

Здесь, в просторной гостиной, былолюдно, шумно, весело, просто, словно в московской квартире старых друзей. Это совсем не походило на чопорный прием, каким мы его себе представляли, тщательно завязывая галстуки в отеле.

Не верилось, что за окнами — незнакомый город, главный город страны, с которой у нас не все просто. Но вот Барбара, показывая на цепочки и полукружия огня за рекой, говорит: «Это — Арлингтонское кладбище, а вон там — Пентагон...» — и мы «всплываем на поверхность», поражаемся тому, как все быстро и близко в нашем веке! Утром — белые от снега поля родного Подмосковья, вечером — огни Вашингтона, отраженные в Потомаке...

Много было сказано в тот вечер хороших, искренних слов о дружбе и сотрудничестве, о пользе взаимных обменов — опытом, искусством, улыбками. Всего не запомнишь и не запишешь в блокнот. В памяти осталось то, что долго будет согревать сердце. Вот Алиса вспоминает с восторгом поездку в СССР. Вот Херб Каммингс, став серьезным среди общего веселья, произносит медленно, чтобы удобнее было переводить: «На вашу поездку по стране дали средства частные лица и компании, потому что они считали: лучше потратить деньги на визит советских юмористов, чем на войну и оружие».

Это не забудется. Как и призыв Д. Борена превратить взрывную силу бомб во взрывную силу смеха. Призыв, обращенный прежде всего к собственной стране.

И еще запомнилось его предложение: «Давайте для начала сократим бюрократов наполовину!» Мы сказали тогда, что у нас более радикальная задача: сократить бюрократов целиком и полностью. У себя дома.

«О, перестройка! Гласность!» — воскликнул по-русски Джим Пять Минут.

«Вот именно!» — подтвердили мы на более или менее английском. Во всяком случае, нас все поняли. Вот тогда и сказаны были те самые слова: «Это хорошо, что вы приехали». В первом американском доме, который нам довелось посетить.

ХЛЕБ-СОЛЬ АРИЗОНЫ

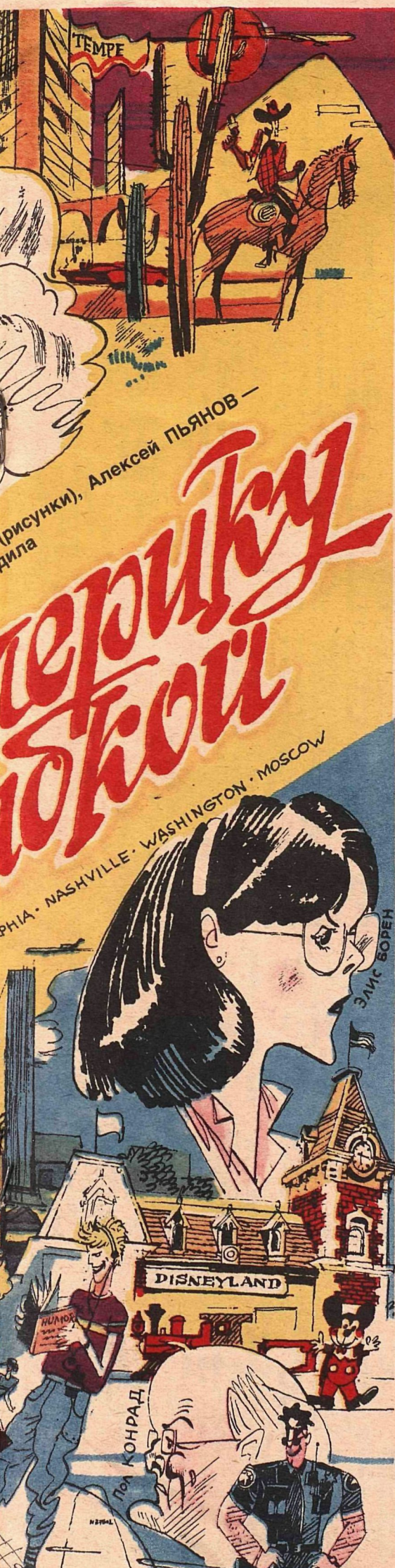
Нахально верещали воробы. Сквозь сон казалось, что это наши московские оптимисты, пережившие трудную зиму, радуются первому теплу.

Пробуждение (на этот раз не от Алисиного «Гуд морнинг») вернуло в реальность: воробы ссорились на пальме, листья которой свешивались на лоджию отеля.

Это была Аризона. Маленький университетский городок Темпи среди пустыни с гигантскими кактусами, с жарой почти в сорок градусов. Мы прилетели сюда вчера, одолев весь материк. Здесь сегодня открывается конференция, в программе которой и наш доклад о современном советском юморе, выставка крокодильских карикатур, книжная экспозиция.

Но это сегодня. А позавчера, 1 апреля, наша пятерка провела «День смеха» в столице США. Должно быть, первое подобное мероприятие в истории Вашингтона. Мы не уточняли насчет приоритета, ибо все, что происходило в те дни с нашим участием, американцы называли первым и даже историческим. Конечно, с известной долей юмора с обеих сторон. Так, за первую историческую встречу юмористов СССР и США в доме Каммингсов пили... апельсиновый сок, что и сделало ее, по замечанию одного из участников, действительно исторической.

(рисунки), Алексей Пянов —
 дила
 ерику
 юкой
 PHIA • NASHVILLE • WASHINGTON • MOSCOW
 ЭЛИС БОРЕН
 ПЕРВЫЙ АМЕРИКАНО-СОВЕТСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН ЮМОРИСТАМИ. 1987

Однако, скажем откровенно, перво-го апреля нам было не до смеха: предстояла первая на американской земле официальная пресс-конференция советской делегации. В зале отеля «Вестин» — корреспонденты крупнейших столичных газет, радио, телевидения, репортеры и обозреватели «Голоса Америки» — русской и армянской редакций...

Нам не до смеха, а надо быть веселыми, остроумными, находчивыми: как-никак юмористы! Да еще первые!! Да еще 1 апреля!!!

Вопросы сыпались, словно просо из дырявого мешка. «Что вам понравилось и что не понравилось в США?» (это на второй-то день!), «Можно ли у вас рассказывать анекдоты о ваших руководителях?», «Почему у вас не рисуют карикатур на начальство?», «Какие стереотипы мешают вам объективно воспринимать Америку и американцев?», «Есть ли в СССР цензура?», «Что лично вам дала перестройка и гласность?», «Какой анекдот сегодня самый популярный в СССР?»... И еще множество других — самых разных, самых неожиданных. Однако — и это необходимо подчеркнуть — ни одного грубого, оскорбительного, провокационного. Подчеркнуть потому, что в те дни в США уже начиналась хорошо срежиссированная «микрофонная истерия» в прессе, затихшая только после пресс-конференции в Москве, охладившей горячие головы; одержимые шпиономанией, всяческими электронными жучками и козьями.

Словом, работы в этот день всем нам хватило. «Красный десант» не только оборонялся, но и вполне успешно наступал, стараясь не выходить за рамки жанра, в котором, как мы успели заметить, американцы отдают предпочтение анекдоту.

Настороженный поначалу зал «Вестина» оттаял. Он искренне смеялся и аплодировал. Особенно когда один из нас тут же на сцене делал моментальные шаржи и дарил их «пострадавшим».

Кажется, все поверили, что к ним приехали действительно журналисты, писатели, художник, а не агенты КГБ, напигованные микрофонами. Впрочем, как потом мы убедились, не все. Но это было уже не в Вашингтоне.

Джим, которому тоже пришлось изрядно потрудиться, сказал за чашкой кофе, еще не остыв от баталии:

— Все о'кэй, ребята! Хай класс!

Ребята застенчиво опустили глаза: мол, старались...

Утром 2 апреля в аэропорту перед отлетом в Аризону купили свежие газеты. И сразу нашли то, что искали: веселый снимок, сделанный во время пресс-конференции. Однако текст под ним гласил примерно следующее: «Мы ждали, что эти пятеро привезли нам горяченькие анекдоты из Москвы, но вместо этого они говорили о каких-то проблемах...»

Вопросительно смотрим на Джима. Он улыбается: «Не унывайте, ребята! Вчера вы выиграли с приличным счетом. А газеты... Это — Америка».

И мы полетели в Аризону, где, как вы уже знаете, нас разбудили ранним утром 3 апреля суматошные воробы, оравшие на пальме.

Но вы не знаете, что было накануне.

Почти шесть часов в воздухе — от Вашингтона до Финикса — столицы штата. Внизу — суровые горные пейзажи, Миссисипи и Большой каньон, похожий сверху на гигантскую траншею. И, наконец, аккуратно нарезанные кварталы Финикса. Пальмы. Кактусы высотой с трехэтажный дом. Золотые апельсины на деревьях. А мы — в плащах и пиджаках. А местные — в шортах и майках. Они поглядывали на нас с любопытством — советские люди не слишком часто бывают в Аризоне.

Наша явно не по сезону одежда, вероятно, представлялась им традиционным нарядом русских юмористов. Но нам-то было совсем не весело в этом пекле: шорты и безрукавочки в гардеробе пятерки отсутствовали — кто же знал, что в начале апреля здесь такая духовка!

Несколько минут на скоростном шоссе, и мы уже в столице Всемирной конференции юмористов — уютном, низкорослом, пальмовом Темпи.

Можно было ожидать чего угодно, но только не этого! На пороге отеля «Холидэй Инн» стоял высокий улыбающийся молодой парень (при знакомстве выяснилось, что это Джон Паризер — преподаватель Калифорнийского университета и наш переводчик на предстоящем симпозиуме в Лос-Анджелесе) и держал на подносе хлеб-соль! Он протягивал эти дары нам и говорил по-русски:

— Добро пожаловать в Темпи! Рады приветствовать вас на земле Аризоны!

Мы опять вопросительно посмотрели на Борена. Он только улыбнулся. Должно быть, хотел сказать свое сакраментальное: «Это — Америка».

Да, это была Америка. Неведомая, незнакомая нам в своих контрастах и противоречиях, неожиданностях и разноликостях. Америка, которую каждому из нас и всем вместе предстояло открыть для себя. Америка, на которую мы хотели посмотреть с дружеской улыбкой — веселыми и добрыми глазами. И она в ответ улы-

Пятьсот участников международного форума мастеров веселого жанра из сорока стран мирно беседовали и горячо спорили, обменивались опытом и адресами, книгами и альбомами. Каких только докладов не было в программе конференции! И черный юмор, и трагедия «Чэлленджера», и сатира... Нам пришлось отвечать на сотни вопросов. Особенно активно напирали студенты отделения русского языка и литературы во главе с доктором Дорой Бартон. Многие из них бывали в нашей стране. С восторгом вспоминали они Москву, Ленинград, Ташкент, Киев... Читали наизусть Державина и Пушкина, Баратынского и Блока.

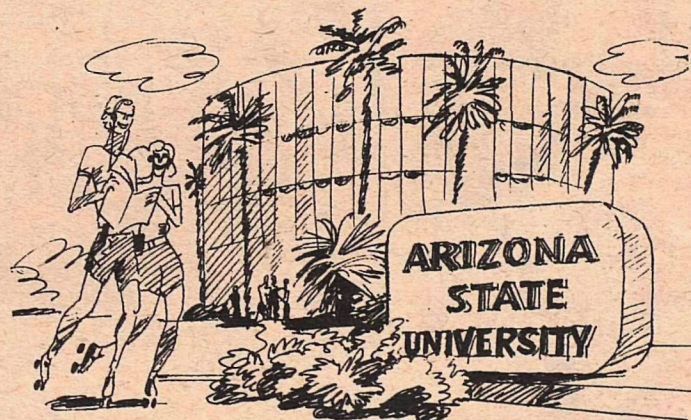
Но не всем была по сердцу эта атмосфера доверия, радушия, взаимопонимания. На одной из встреч из зала пришла записка. Джим внимательно прочел ее и положил в карман. Тогда мы не поняли — почему. А после напомнили ему.

— Ерунда, не стоит говорить об этом, — смущенно ответил он. Мы настаивали, он уступил. На желтом листке был четко выведен вопрос: «Скажите: кто из вас из КГБ?» Подписи, естественно, не было. Они оставили эту записку на память. Она оказалась единственной такого рода за все время нашего пребывания в США. Осталась как напоминание о другой Америке. И мы еще расскажем о ней, потому что хотим написать честный и объективный репортаж.

КАЛИФОРНИЯ: РАЗРУШЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ

Лос-Анджелес необъятен. В каком направлении ни газуй — проедешь десятки и десятки миль до его окраин. И везде — между домами, на пустырях, на обочинах дорог — стальные маятники качают нефть. Нефти много, а вот метро нет, поэтому без машины в Эл-Эй (обиходное название города по первым буквам) ты не человек...

Мы проносимся по выгнутым спинам длинных мостов, этих асфаль-

балась нам. Там, в доме Каммингсов, и здесь, на пороге отеля «Холидэй Инн».

Аризонский университет в Темпи — это целый город в городе: 43 тысячи студентов, десятки учебных корпусов, концертный зал, стадион, церковь, мечеть, огромная библиотека, многоэтажный гараж...

Аудитории университета стали в те дни местом дискуссий, симпозиумов, встреч участников VI Всемирной конференции юмористов. Большой интерес вызвали выступления делегации СССР, выставки наших карикатур и книг. Многие здесь впервые открыли для себя советский юмор и не скрывали своего восхищения рисунками и книгами советских художников и писателей.

тозавров XX века на бетонных подпорках-лапах, минуем не меньших размеров авианосцы и корабли в доках и, наконец, выскакиваем к побережью Тихого океана. Если напрямки кролем, то через годик-другой можно благополучно доплыть до Владивостока...

В нашей программе небольшое изменение — единственное за всю поездку: накануне стало известно, что Питер Лоуренс, отец Алисы, классик американской юмористики, оправился от болезни и ждет нас. Он к тому же один из инициаторов обмена юмористами СССР и США.

Есть люди, в руках у которых вещи словно оживают, приобретают некий таинственный смысл и даже порой улыбаются. Таков Питер. Он сидит на

См. стр. 16.

КАДЕТ

ПО СТАРОМУ СТИЛЮ

Г. Харенко, 1955 года рождения, работник Каменского узла связи, был убежден: праздники надо отмечать все! Отметив Новый год, Харенко стал готовиться к встрече года старого, для чего и приобрел три бутылки бормотухи. Эти ценные подарки с 12 января повез в Грушковку друзьям.

Но случилось так, что к началу путешествия Харенко нагрузился и учинил скандал на остановке: его доставили в местный РОВД, где он и поспал до утра. Утром же на старом Новом году он был отпущен не только с богом, но и с бормотухой — дежурный по РОВД тов. Капустинский, проявив чуткость, не решился изъять вино. А Харенко, тут же, за порогом РОВД, опустошив все три бутылки, вспомнил о друзьях и опять ринулся на остановку, где попытался силой заставить водителя ехать в разлюбезную ему Грушковку вопреки расписанию.

...Во время судебно-медицинской экспертизы Харенко заявил, что пить начал с 12 лет — страсть к вину привил отец-алкоголик.

Дежурный по РОВД И. Капустинский за благотворительность наказан в административном порядке.

Харенко осужден на три с половиной года.

ПРИВЕТ ИЗ ВЫТРЕЗВИТЕЛЯ

При всей ущербности нашей службы быта есть, к примеру, такие фотосалоны, которые работают круглосуточно, без выходных и даже без перекуров. Для получения памятного фото необходимо одно из двух: либо средняя, либо тяжелая степень опьянения.

В ночь на Новый год и в первый день Нового года 16 пермяков и гостей Перми воспользовались услугами одного из самых дорогих в областном центре фотографов, а именно Свердловского районного медвытрезвителя.

Первым звякнул дверным колокольчиком тракторист И. Пермяков. Вслед за ним явились водитель С. Разегин с братом Толей. За ними — инженер С. Попов... Но масловый клиент, как и ожидалось, попер в самый канун Нового года по местному времени. И каждого в обязательном порядке фотографировали. (А дело в том, что некоторые клиенты, протрезвев, не могут или не хотят вспомнить факт своего попадания в это учреждение. Вот и приходится целкать их для документальной убедительности.)

Никто из посетителей не пожелал, однако, сняться на память о совместном отдыхе еще раз, но уже коллективно, всей группой. — И напрасно, — комментирует начальник медвытрезвителя старший лейтенант милиции А. Семеновых. — Может быть, это фото с надписью «Привет из вытрезвителя!» способствовало бы их окончательной и полной трезвости.

ДВА ВЗГЛЯДА НА ОДНОГО ГРУЗЧИКА

Рассматривая одно и то же явление с разных сторон, можно прийти к совершенно различным заключениям.

Скажем, встреча Нового года. Работники Жовтневого РОВД Одессы не строили особых праздничных иллюзий. Знали, что выпивоха и дебоширы, вроде Шелухина Б. Н., без работы не останутся.

Зато сам Шелухин в отличие от работников милиции считал Новый год своим личным праздником. Вроде еще одного дня рождения.

И вот 31 декабря в подворотне был накрыт незагаженный стол на три персоны. Пили стоя, из «столов». Разогревшись, Шелухин распоролся с друзьями и двинулся в общежитие порта, где устроил новогодний «карионавал» — из тех, что на милитерском языке именуются «пьяный дебош».

Ну, как же после этого можно смотреть на Шелухина? Казалось бы, однозначно. Как на пьяницу и нарушителя, которого надо лечить и воспитывать.

Однако на сей счет проявились разночтения.

Директор Одесского портового холодильника Яцко В. Я., где трудится дебошир, придерживается иного взгляда на грузчика Шелухина: «По работе к нему претензий нет».

Что же у него будет считаться «претензиями» по работе? Если Шелухин утащит и пропьет портового крана?

ОТВЕЛИ ДУШУ...

Рисунок С. СПАСКОГО.

КРАЖА

— Ребята! Товарищи! В чем дело? Куда вы меня? Дни-то какие вперед! Оплошь праздники! — страшным голосом кричал В. Мельников, механик Ветковского РСУ Гомельской области.

Его, поджавшего ноги, несли к закрытому автомобилю люди с суровыми лицами. В другой автомобиль загружались емкости со спиртом, украденным В. Мельниковым с Гомельского завода химических изделий.

— Скольким людям праздники испортили! — выговаривал милиции Мельников. — Ведь торжество по весне не чест! Взять только апрель: и День космонавтики, и День здоровья, и День науки... И в такой напряженный период, когда такая напряженность с водкой, меня изымать из обращения!! Это непатриотично, товарищи!

И тем не менее Мельников арестован. Если перевести похищенный им спирт на деньги, то В. Мельников украл у государства 43 тысячи рублей. А у себя самого — семь лет свободы.

ТАЗ КАК НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

Напиться просто так, беспричинно — это пошло и еще раз пошло. И потому, тихо ликуя, встретил утро Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота мастер Нотозерского леспромхоза Мурманской области Ю. Никитин.

До голубизны побрившись, подеколонясь, мастер воссел за стол и почал бутылку очищенной.

Первая рюмка была поднята за Вооруженные Силы как таковые. Потом за царицу полей — пехоту, силы бронетанковые, военно-морские и воздушные. Затем было выпито за гвардейский миномет «катюша», легендарную «тридцатьчетверку», САУ (самоходную артиллерийскую пулю) Дегтярева...

Отметив славные заслуги пистолета «Тулльский Токарева», Никитин набросил пальто и выбрался из жилища. Его качало, но Никитин все же добрался до квартиры своего знакомого и тезки Юрия Б. Тот был дома и возмущительно трезвый.

— Юра! — подивился он, — Ты ж еще молодешок по годам, а так набрался!

— А-а! Праздник не уважаешь?

И Никитин набросился под руку — это был эмалированный таз, — и обрушил его на голову приятеля.

— Я праздник отметил... — потом оправдывался в милиции Никитин. — Под всякое свинство можно подвергать уважительную причину, — резонно ответила Никитину милиция и, взяв с него подписку о невыезде, возбудила уголовное дело.

Бывает, что тон задает начальство. Начальник цеха Ростовского завода газовой аппаратуры П. И. Критинин, измученный предновогодними авралами, решил расслабиться досрочно. Он довел себя до состояния алкогольной неадекватности с опережением графика — еще днем 31 декабря в районе винного магазина. Такое внеслужебное рвение было по достоинству оценено другим начальником — городской милиции, который отменил Критинину сорока рублей, только не премии, а штрафа.

Вслед за начальством потянулись и рядовые граждане. В тот же день, 31 декабря, из дома № 217 по улице Ленина донеслись пьяные вопли рядового резчика кирпичного завода В. Н. Николаева, привлеченные внимание рядовых работников милиции. Войдя в квартиру, они немало потрудились, прежде чем усмирили его.

1 января дежурная сорокаградусной приняла прямо-таки массовый характер. По улицам города «ходили, шатались и падали», как записано в милиционерских протоколах, Г. И. Андренко — водитель энергомеханического завода, В. В. Мясников — монтажник Ростовского часового завода, В. В. Федоров — грузчик Батайского ОРСа и многие другие...

Так и хочется спросить: а что же руководители упомянутых предприятий думают по поводу антиалкогольной работы во вверенных им коллективах?

2. Батайск

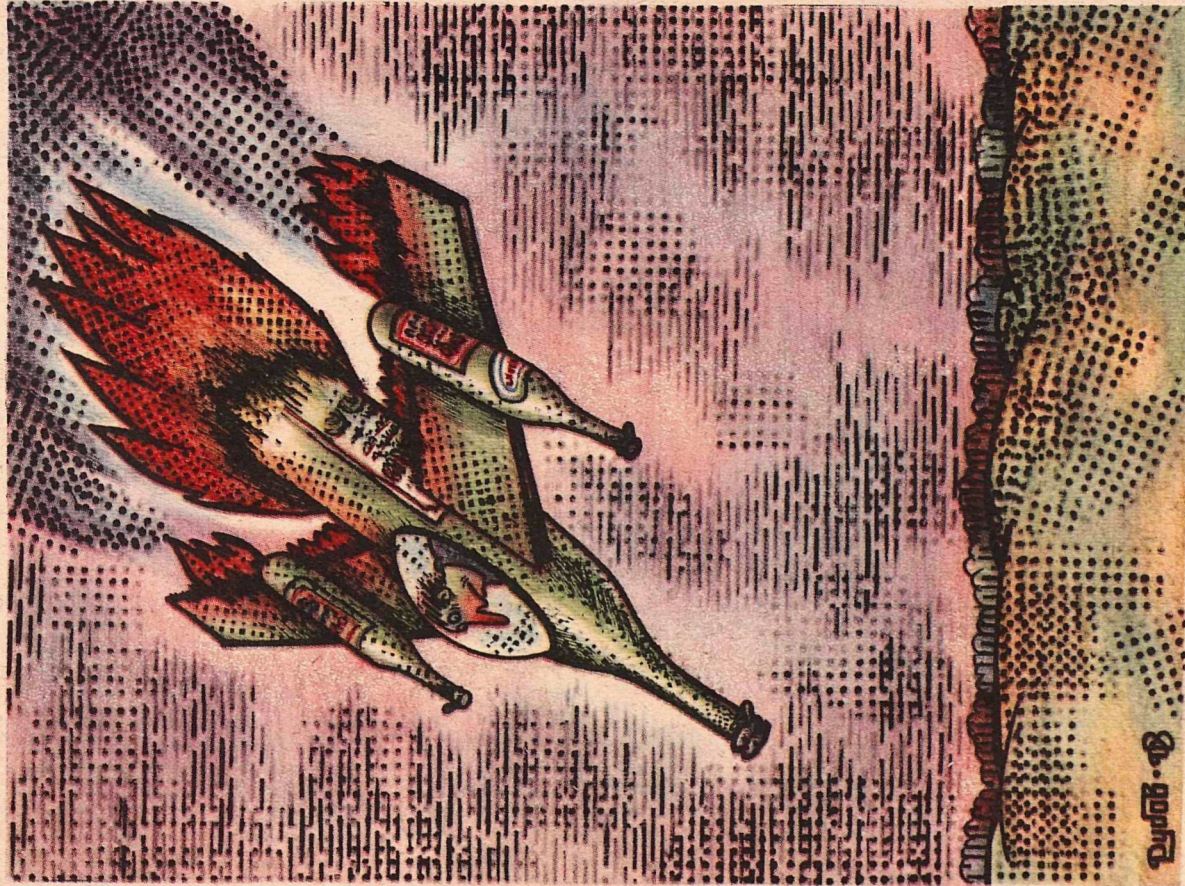

Рисунок В. ДУБОВА.

Одно мгновение

Гуляние на масляницу в ленинградской квартире Вертовых, достигнув апогея, пошло на убыль.

Кое-кто из гостей, перебрав, отдал на незатертых ложах, а те, кто покрепче не выпускали из рук рюмок. Среди этих крепких и оказалась де-вушка стойкостью чрезвычайной, Софья К. Симпатичная, нравящаяся мужчинам, она не без бравды, пила, не отставая от них, танцевала и казалась трезвой. А стойкость к алкоголю — это всегда обманчиво, что и подтвердилось, когда Софья вышла на балкон. Сев на перила и закури, она упала с четвертого этажа.

— Эмансипация эмансипация, но пить женщине категорически нельзя! — сказала Софья из гипсового скафандра. — Даже с друзьями! От рюмок до несчастья — одно мгновение! Ах как я это сейчас понимаю!

Что ж, лучше поздно, чем никогда.

Два срока

Для семнадцатилетнего каменщика-подсобника ПМК-24 Юрия Рудавина красные числа отличались от черных только тем, что по этим дням его душа не терпела вообще никаких запретов.

Восьмого марта в двенадцать часов дня он шел по городу в сторону дома в приподнятом настроении. По дороге его стал обгонять пожилой дядька на телеге. Рудавин обнаружил, что лицо у того несимпатичное, и это захотелось обсудить. Рудавин вступил с дядькой в острую полемику.

Когда они поравнялись с проходной Новооскольского автозаводского хозяйства «Мехколхозстрой», откуда вышел старичок сторож и указал Рудавину на его излишнюю горячность.

— Тогда давай с тобой поговорим! — заявил ему на это Рудавин и решительно направился к проходной. Сторож ушел от разговора на охраняемую им территорию и закрыл за собой калитку.

Просунув руки сквозь решетку, Рудавин схватил старика сначала за грудки, а потом и за волосы, склоняя к беседе. Но сторожу удалось вырваться.

Дверь проходной не поддавалась, тогда Рудавин разбил окно и проник внутрь сторожки. Дедок-охранник выскочил из домика и, несмотря на преклонный возраст, стал резво удаляться в глубь территории автохозяйства.

Юный строитель догнал его без труда. Свалив, Рудавин принялся охаживать деда кулаками и ногами.

На суде Рудавину, кроме сильно побитого сторожа, припомнили и отсроченный приговор за угон двух машин на седьмое ноября.

Так что праздники друг от друга для Рудавина не очень отличаются. И за первый он получил срок, и за второй. А сумма солидная.

Опасное соседство

Ученик второго класса 910-й московской школы Сережа М. возвращался с уроков в сопровождении мамы. Отойдя от школьного крыльца не более чем на пятьдесят метров, Сережа с мамой наткнулся на мзеподобную очередь, тянувшуюся из дверей магазина «Вино», что на улице Менжинского.

— Почему такая очередь? — спросил Сережа.

— Праздник сегодня. Пасха, — ответила мама.

— А-а, знаю. Пасха — это все равно что Восьмое марта...

— Почему ты так решил, сынок?

— На Восьмое марта тут была такая же очередь...

ПОЧТОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Ул. Закусо-ная, 4, подворотня рядом с винным магазином №3. Дорогой Саша! Горничная женского пола тебя с международными артиллериями солидарности шапку Васе, днем солидарности шапку Васе, с которыми посылаю эту записку.

До встречи в отделении! 3. Подворотня у винного магазина №4

Курицыной М. И. Дорогая жена Маша! Я от-дытаю хорошо. Поздравляю тебя с днем моего рождения. В честь этого праздника рассчитаю твой счет вытрезвитель-ля № 1 города Приморска. Твой муж Петр, Приморск, санаторий «Волна».

ФОТОТЕЛЕГРАММА. ДО РАСХЛЕБЫВАНИЯ

Дорогого собутыльника поздравляю праздничком вскл прилегаю свою фототелеграмму зпт снятую доской «Они позорят наш город» так я стою группе осужденных пятнадцать суток крайний справа вторым рядом зпт мне поставлен крест эдик

ПРАЗДНИЧНАЯ ХРОНИКА

Данная хроника посвящается исключительно тем труженикам, которые считают своим долгом встречать профессиональные праздники не только (и не столько) успехами по работе, но еще и непрелюбимой выпивкой. Всех остальных Крокодил горячо поздравляет с прошедшими и будущими праздниками профессий.

«С прицепом» — наиболее часто употребляемое выражение водителя грузовика — мылава. Отметив должностной праздник — День работников автомобильного транспорта, Замыслов пил еще целую неделю, набравшись столько «прицепов», что из них сформировался внушительной длины бутыльно-рюмочный поезд.

Работник отдела кадров Цапкин одиннадцатого февраля явился на работу в не-трезвом состоянии, пояснив, что отмечает праздник — День печати, хотя, как известно, этот день празднуется 5 мая. В результате дальнейших расспросов выяснилось, что прав все-таки Цапкин, так как именно в этот февральский день отделу кадров выдали новую печать.

Если вас пьянит воздух, оглянитесь, не отмечают ли где праздник.

НА ТРЕВНОЕ

Было шумно: отмечали день рождения истины.

Три цвета одного времени — листок календаря красный, водка белая, змей зеленый.

Встретились за праздничным столом, расстались — под. С. МАРКОВ.

Игнатов очутился в Больших Енотах впервые. Ревизор Главклеюправления, он был послан на проверку финансовой деятельности местного клеевого завода.

Командировка была пустяковая, за два дня Игнатов с делами справился и теперь коротал летний вечер, бездумно гуляя по городу. Большие Еноты Игнатову чрезвычайно нравились обилием деревянных патриархальных домишек, кривобоких огородиков, большеглазых злых котов, венчающих тесовые ворота. Центральная площадь, вся в помпезных официальных зданиях, от райкома до почты, была скучно заасфальтирована, зато во все стороны от нее расходились расчудесные корявые улицы, уставленные лохматыми тополями и мощенные настоящим дореволюционным булыжником. Не хватало лишь ломовых извозчиков — их тут, как и во всей стране, заменили внушительные «КамаЗы».

Впрочем, в этот закатный час машин было мало. Город облепила чрезвычайная тишина, как на экзаменах, только вдаль, в туманной низине за клеевым заводом, кричали то ли утки, то ли лягушки, да изредка из-за штакетника нечленораздельно выражался чей-то нетрезвый баритон...

Вдруг, отшвырнув тишину, немислимый кузнечный грохот и звон обрушился на Игнатова. Он завертел головой, ожидая встречи по крайней мере с эскадром Медных всадников, однако из-за угла вывалился обычный грузовичок, от которого и исходил этот безумный грохот. Грузовик пронесся мимо. Тут какой-то предмет отделился от него и, продолжая грохотать, резво подкатился к ногам Игнатова.

Машина скрылась. Игнатов взгляделся в предмет. Это была гиря с обрывком веревки на ручке. Игнатов потрогал ее, приподнял. На мгновение ему показалось, что держит живое существо: поверхность гири была теплой.

Очевидно, местные юные лоботрясы привязали гирю к машине, чтобы насладиться какофонией, и своего достигли. И неудивительно, что металл нагрелся: он бы, вероятно, в дальнейшем раскалился добела, только вот не выдержала веревка.

И все равно Игнатов не покидало ощущение одушевленности гири. Он почувствовал к ней легкую жалость.

Опустив гирю на землю (тяжелая, килограммов пятнадцать будет), он погладил ее по шершавому боку и спросил:

— Что это ты, на ночь глядя, шалберничаешь? А где твой дом?

Гиря отрешенно молчала. Игнатов вздохнул и собрался уходить. Но пронзительная одиночество гири не давала ему покоя. Он отвязал обрывок веревки и снова погладил гирю, как приبلудную собаку:

— Что ж будем делать-то, а?

И тут он вспомнил своего непосредственного начальника, Тимошину. Отправляя Игнатова в очередную командировку, Тимошин всегда чуть заискивающе просил: «Ты там, Игнатов, посмотри, может, чего интересного подвернется... Страсть люблю необычные сувениры, местные изделия. Я заплачу, если что».

И Игнатов привозил ему: из Кирова — дымковских коников, из Гомеля — стеклянных чертей, деревянные ложки из Рязани, берестяные туески с Псковщины.

— Ну-ка, привезу я Тимошину большеенотскую гирю, — подумал вслух Игнатов. — Чем не сувенир? Тяжело, правда.

Но всего-то вещей у него — молодого и сильного — было кошелёк да полупустой командировочный портфель. Гиря в этот портфель влезла бы запросто.

И Игнатов решил. Подхватив гирю, он целеустремленно направился к гостинице.

На пути в Москву случился инцидент.

Игнатову досталось пустое купе. Поскучав, посидел он у окошка, затем переоделся в спортивное и приготовился было взлететь на верхнюю полку, покемарить, но тут поезд подкатил к большой станции, и в купе ввалились двое — тоже с портфелями, тоже, видать, из племени командированных. Вежливо-бегло поприветствовав Игнатова, они, не теряя времени, повытаскивали из портфелей духовитую снедь и боль-

хранили сувенир для Тимошина, «тенюшка» разлетелась ко всем чертям вдребезги.

Спутники, играя желваками, счищали с мокрых брюк блестящие стекла. Беглый Игнатов жалко извинялся.

— Что у вас там в портфеле? — сухо спросил Ян. — Кирпичи?

— Гиря.

— Как гиря? Зачем?

Игнатов не успел придумать что-нибудь убедительное и честно сказал:

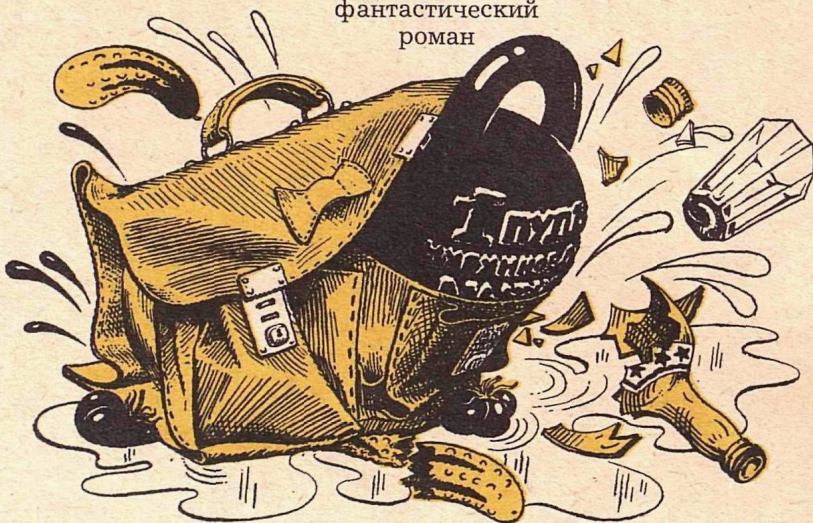
— Просто гиря. Везу для одного товарища, в подарок.

— Пойдем, Саня, покурим, — ска-

Святослав СПАСКИЙ

Гиря

Маленький научно-фантастический роман

шую — ноль семьдесят пять — бутылку коньяку.

— С нами, — пригласил один из спутников, в очках, подпертых румяными щеками.

— Ничего, спасибо, я полежу, — ответил, согласно ритуалу, Игнатов и поднялся, готовый снова взлететь на полку. — А вы располагайтесь, двигайтесь к столу, пожалуйста.

Он с удовольствием присоединился бы к компании да и знал, что в конце концов присоединится, но правила приличия нужно было соблюсти.

— Не из вежливости вас зовем, а в силу необходимости, — пояснил второй, помоложе, но и полысее румяного. — На двоих такая тетенка великовата, — он показал на бутылку, — а ведь, почав, не остановишься. Значит, в столицу уставшими прибудем. А вы помогите — и все о'кей будет, норму соблюдем.

— Ну разве что так, — заулыбался Игнатов, — тогда что ж... К сожалению, ничего от себя предложить не могу. В смысле закуски.

— А вам мало? — спросил тот, что помоложе, кивнув на достаточно обильный стол. — Помидорчики, огурчики, колбаска. Пирожков вот на вокзале досталось. Вы что, обжора?

— Неудобно просто, — объяснил Игнатов.

— А-а! Завтра мы в вашем положении окажемся, — успокоительно сказал очкастый. — Не при карточной системе живем, шелуха все это. Давайте. Давай, Ян.

Ян — который помоложе, но лысее — отвинтил колпачок бутылки, расставил стаканы.

И тут поезд неожиданно тормознул. Все качнулось, а с верхней полки слетел портфель Игнатова и обрушился на столик. Поскольку недра портфеля

зал Ян. — Откройте окно, а то за ночь коньячным духом пропитаемся. Жены на порог не пустят.

Краем уха Игнатов услышал реплику Яна из коридора:

— Чокнутый, что ли? Ему бы по кумполу лучше гирей-то этой...

Игнатов, все еще пылая, залез на полку и притворился спящим.

«Действительно, обалдуй с гирей», — подумал он.

В Москве расстались, не попрощавшись. Коньяком ни от кого не пахло. Жены пустят.

3

А Игнатов жил один. Жены у него не было.

То есть была, но раньше. Звали Светой. Она ушла к молодому талантливому не то стоматологу, не то терапевту. Однокомнатную квартиру оставила Игнатову: у терапевта своя была, трехкомнатная. Ему она досталась от первоначальной жены, которая уехала с полюбившимся ей подполковником в энский военный округ.

Субботним радостным утром Игнатов притащился со своей гирей домой, умылся, интеллигентно сварил себе черный кофе и только потом вытащил гирю из портфеля, впервые внимательно осмотрел ее: вся грязно-ржавая, дарить такую Тимошину — значит нажить себе врага. Он спустился во двор к кооперативным гаражам и у знакомого автомобилиста Тарасевича выпросил два литра керосина в жестяной банке из-под венгерского повидла.

Гиря отмочала в повидловой банке сутки. После этого Игнатов высушил ее и долго драил шкуркой, пока не достиг ровного тускловатого блеска. И самое главное: отчистились и стали читаемы выпуклые слова:

«Ого! — внутренне восхитился Игнатов. — Это ж реликвия. Это ж, возможно, историческая ценность. Вот вам и обалдуй с гирей!»

Тут же он решил гирю Тимошину не дарить: обойдется.

В понедельник Игнатов, оставив гирю на тумбочке возле зеркала в прихожей, отправился в Главклею на работу.

На работе он никому не рассказал о своем ценном приобретении — зачем возбуждать ненужную зависть, а в обеденный перерыв, когда отдел, топоча, бросился в столовую, прочно уселся в кресло и отыскал в справочнике телефон Исторического музея.

Ученого секретаря на месте не оказалось, пришлось вести переговоры с рядовой сотрудницей, писклявой и тощей особой, лет так двадцати шести — двадцати семи (выводы по поводу ее комплекции и возраста Игнатов сделал на основе именно пронзительности и писклявости слышаемого им голоса).

Особа напрочь отказалась от гири, самоуверенно заявив, что исторической ценностью тут и не пахнет, а музейные запасники и так забиты барахлом до потолка. Так и сказала — «барахлом», это музейный-то работник.

«Потому в музеях и тоска одна, — подумал Игнатов. — Разве такие вот могут нормальную экспозицию развернуть».

Он бросил трубку и задумался. Потом яростно накрутил номер другого музея — истории и реконструкции Москвы.

— С твердыми знаками надписи! — убеждал он новую музейную собеседницу. — Бр. Фохт! Столетняя гиря, уникальная.

Но и тут он получил быстрый и ясный отказ.

— Гиря областного производства, — сказали ему. — Нас Москва интересует...

Домой Игнатов пришел поздно и навеселе: с друзьями после работы обмыл возвращение из командировки.

Домой он проникновенно сказал жене: — Не нужна ты, дочка, никому. Зря только мучилась с тобой. По тебе один лишь Вторчермет скучает...

Ночью случилось необъяснимое: встав по необходимости, Игнатов больно споткнулся о гирю, лежащую почему-то в дверях комнаты. Он зажег свет и, шипя, поскокал в ванную — поддержать босую ногу под струей холодной воды, затем, хромя, вернулся к гире — дивиться.

«Ну не пьян же я был вчера, — суматошно думал он, — и не дотрагивался я до этой железки, только сказал ей пару слов. Что ж она, сама, что ли, прикатилась?»

Он осмотрел засов у входной двери. В порядке был засов.

4

Так вот и началась чертовщина. Гиря как бы незримо путешествовала по квартире. Иногда, возвращаясь домой, Игнатов с трудом открывал дверь, преодолевая сопротивление навалившейся изнутри гири. Гиря оказывалась то на нижней полке книжного шкафа (причем на месте выкинутых книжек), то на кушетке под подушкой (кровать Света переправила к своему талантливому терапевту-стоматологу, а Игнатову для сна была осталась кушетка).

Игнатов серьезно забеспокоился, временно перестал выпивать и возобновил утреннюю зарядку. Попытался привлечь к занятиям гирю, но она с первого же раза как-то ловко вывернулась из его рук и шмякнулась на коврик, по пути ошутито ударив Игнатова по коленке. Он взвыл и оставил ее в покое.

Когда же гиря в отсутствие хозяина произвела значительную вмятину

на дверце холодильника (холодильник Света оставила, у стоматолога был свой «Розенлеф», который браво подполковник отказался везти в энский округ по причине его нетранспортабельности), Игнатов решил расстаться с мытищинской реликвией. Поздно ночью он прокрался на лестничную площадку, держа гирию на отлете, как нашкодившего кота, и бухнул ее в мусоропровод.

Гром раскатился по всем девяти этажам, залаяло великое множество домашних декоративных собак, жильцы проснулись с колотящимися сердцами и долго прислушивались, сидя в нагретых постелях. Игнатов же, счастливый, неслышной рысью пробежал в свою квартиру, свернулся калачиком на кушетке и заснул спокойным ясельным сном.

Наутро же, открыв балконную дверь, чтобы вытряхнуть волосы из электробритвы, он опешил: на балконе как ни в чем не бывало расположилась гирия, поблескивая мокрым боком. Ручку ее обвивала извилистая лента картофельной шелухи, прицепившаяся, видно, еще в мусоропроводе.

— Ну, входи, раз так, — мрачно сказал Игнатов, выбросил шелуху во двор (кто-то снизу ответил крепким словцом), а саму гирию втащил в комнату. — Ладно, погости еще, а там увидим.

Он намеренно сказал «погости», чтобы гирия не рассчитывала, что он смиритесь и пропишет ее навеки в своем сердце и доме.

На работе он делом не занимаясь, игнорируя укоризненные замечания непосредственного начальника Тимошина, а составлял текст объявления. К вечеру текст был готов.

**ПРОДАЕТСЯ ГИРЯ
ПО СЛУЧАЮ, ДЕШЕВО.
СТАРИННАЯ, ПУД (16 кг).
НЕЗАМЕНИМА
ДЛЯ ТЯЖЕЛОАТЛЕТОВ,
РАБОТНИКОВ ГОСЦИРКА И ЗАСОЛКИ
КАПУСТЫ**

С этим объявлением он поехал на Пресню, в редакцию рекламного приложения «Вечерки». Пожилая дама-приемщица, прочитав текст, подняла на Игнатова изумленные глаза цвета океанского прибора:

— Да вы что — гирия? Мы такие объявления не печатаем.

— Почему это? — сварливо сказал Игнатов. — Какая разница, кто что продает. Рояль или дачу можно, а гирию нельзя? Учтите — старинная.

— Мало ли старинных вещей! Мы учитываем спрос. Сейчас спрос на дачи, гаражи, скейты. На рояли тоже, да. А гириями никто не интересуется.

— Они ж не знают. Вы напечатайте — они и заинтересуются.

— Мелочь это, поймите. Вы гирию, другой топор захочет продать, еще кто-то — дверную ручку. У нас же не баракхолка.

— Куда же мне ее? В комиссионный не примут, как вы думаете?

— Не знаю, не знаю, — нервничая, сказала дама. — Прошу вас, отойдите, не мешайте работать. Зачем вам ее продавать? Солите капусту, незаменима же для капусты, сами пишете.

Игнатов ушел из редакции и тут же, на площади имени 1905 года, сунулся в будку Мосгорсправки. В будке сидел тучный справочный агент пенсионного возраста, похожий на пинчера.

— Сынок, — сказал тучный справочник, — тебе не стыдно?

— Чего же мне стыдиться? — сказал Игнатов. — Я ее не украл, гирию.

— Объявления — это некоторым образом лицо города, — пояснил справочник, — они отражают его духовную жизнь. А город-то — герой! Понял? Иностранец твое объявление прочтет — что подумает о москвичах, а?

— А что иностранец? Как раз иностранец, может, и купит, — сказал Игнатов. — Где-нибудь в Кордильерах такая гирия — экзотика. А? Один пуд, Мытищи...

Тут справочный агент и вовсе стал похож на пинчера. Он сморщил нос и залайл на Игнатова:

— Валютную операцию вздумал прокрутить! Государственный культурный фонд сплавляешь за границу! Фарцовщик треклятый! Ща милицию кликну!

Он высунулся из будки и крикнул на всю площадь:

— Гришаня! Сержант! Дуй ко мне! Сыми токо пистолет с предохранителя! Неведомая пружина отбросила Игнатова в пасть станции метро, а пинчер раскатисто захохотал ему вслед.

5

Гирия, видно, каким-то потусторонним способом узнавала о попытках Игнатова освободиться от нее, потому что вела себя чем дальше, тем хуже. Как только Игнатов уходил на работу, гирия принималась прыгать по квартире. Глухие удары разносились по всей девятиэтажке. Начались жуткие перепалки с соседями, звонки из ДЭЗа, визиты участкового, акты всевозможных комиссий и протоколы товарищеских судов.

Всех особенно бесило то, что Игнатов и не пытался оправдываться, а просто молча выслушивал обвинения. Он был бы рад объяснить, а только кто поверит?

И последнюю попытку сделал Игнатов — отвез гирию в деревню к бабушке. Деревня была далеко: от Можайска еще километров двадцать пять на автобусе, а потом пешком сорок минут.

Старушка обрадовалась редкому гостю, напекла в его честь румяных кренделков. Крендельки Игнатов съел, а гирию тайком подбросил в бабкин огород, под жирные лопухи.

Он вернулся домой часов в одиннадцать вечера, а уже в первом часу ночи гирия гулко бухнула в балконную дверь.

— Не пуцу! — крикнул Игнатов. — Мерзни там, паршивка! Я знаю — ты и коньяк тогда в поезде нарочно разбила!

В ответ гирия шандарахнула так, что на балконной двери лопнуло стекло. Сверху, снизу и с боков заорали разбуженные соседи.

Игнатов быстро и решительно оделся, сунул гирию в портфель и вышел на ночную улицу. Кстати подвернулось такси.

— Серебряный бор! — кратко приказал он водителю.

На берегу реки Игнатов отпустил машину, а сам неторопливо разделся до трусов. Потом он вытащил из брюк ремень, сделал петлю, конец ремня привязал к гире, а петлю затянул на шее. Держа гирию обеими руками, он зябко вошел в воду. Когда вода дошла ему до подбородка, он зажмурился, сильно оттолкнулся ногами от дна и нырнул вниз головой.

...Неведомая сила потянула Игнатова вверх. Он раскрыл глаза: гирия воздушным шариком плясала на поверхности воды у самого его лица.

— Врешь, потонешь! — с ненавистью закричал Игнатов и рванул гирию вниз. Она не давалась, как будто была сделана из пенопласта, вода упорно выталкивала ее.

Тогда он ослабил петлю и снял ее с головы. Гирию подхватило и понесло течением.

Стоя по шею в воде, Игнатов тупо смотрел на свою быстро удаляющуюся мучительницу. Луна освещала ее круглый блестящий бок и тянущийся змейкой вслед за ним брючный ремень.

Минут через пять гирия скрылась за поворотом.

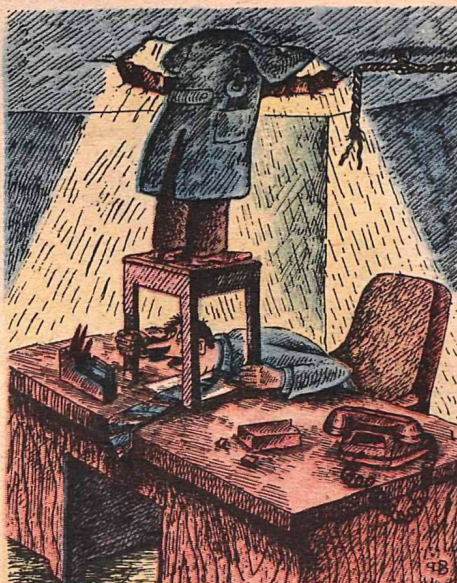
Не веря своим глазам, Игнатов, пытаясь, вышел на берег.

— Неужели насовсем? — сказал он тихо.

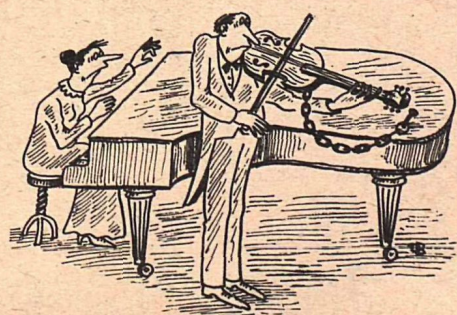
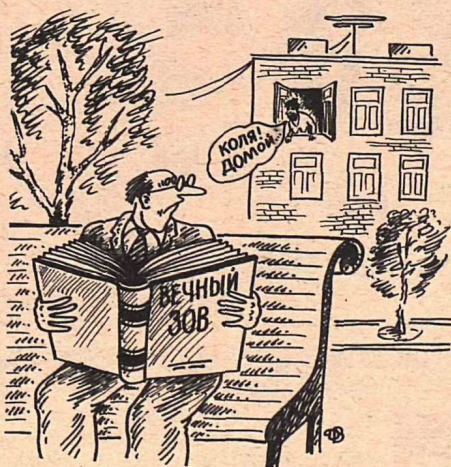
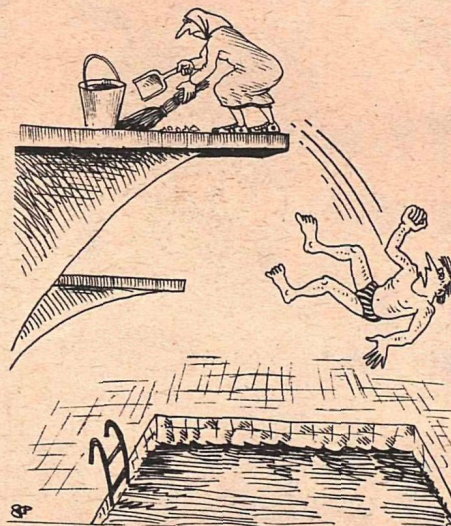
Да, он знал, интуитивно чувствовал, что на этот раз насовсем. И надо же: он ощутил вместо радости освобождения щемящую боль утраты...

Впрочем, это продолжалось недолго. Озираясь, он снял и выжал трусы, оделся, обстоятельно причесал мокрые волосы. Потом, придерживая спадающие брюки, пошел к освещенным кварталам — ловить мотор.

КРОКОДИЛИНКИ

— Я же тебя, Михалыч, просил только перегоревшую лампочку заменить...

Рисунки В. ДУБОВА.

НАРОДНОЕ НЕ ПРИБЫЛИЩЕ

«Душевая по просьбе посетителей работает: мужская — в женский день, женская — в мужской день».

(Объявление.)

Прислал С. Тимофеев, Сахалинская область.

«Держите деньги, улетают».

(Объявление на кассе кинотеатра.)

Прислал Е. Лимаренко, г. Ленинград.

«Очень обидно, что на прилавках магазинов нет обуви для детей местного производства».

(Из радиопередачи.)

Прислала И. Брагина, г. Поронайск.

«Таксист высадил меня далеко от дома так, что я оставил в машине очки. В связи с тем, что у меня высокая степень близорукости, я потерял ориентацию и попал в вытрезвитель...»

(Из объяснительной.)

Прислал А. Кузнецов, г. Москва.

«Для того, чтобы потушить начавшийся пожар огнетушителем ОХП-10 (ОП-5), необходимо донести его к месту пожара».

(Из памятки квартиросъемщику, изданной отделом пожарной охраны УВД и облсоветом Всероссийского добровольного пожарного общества.)

Прислал Р. Темкин, Камчатская область.

«9.31. Обеспечить содержание дорог и тротуаров на территории завода в нетрезвом состоянии. Ответственные: РСЦ, ОГА».

(Из коллективного договора УралАЗа.)

Прислал Б. Короткевич, г. Миасс.

Шляпа
лентая
цена 10р 50к

Прислала Г. Шушкова, Оренбургская область.

Кошечки
с мясом
13 коп

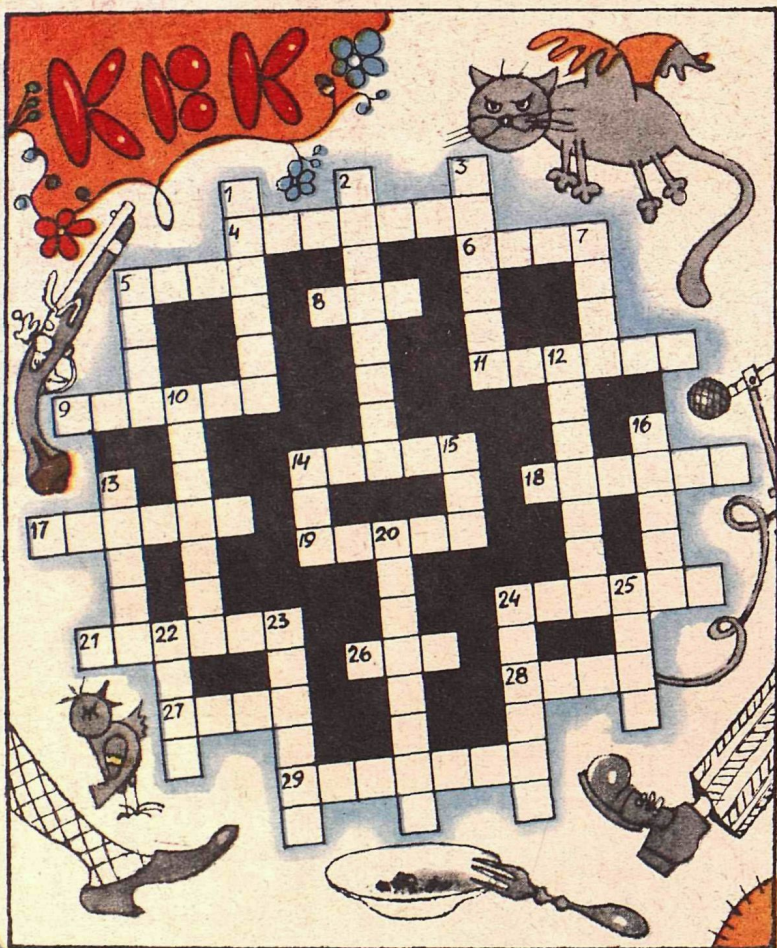
Прислал А. Князев, г. Барнаул.

О, сколько нам открытий чудных
Готовит ваш эфирный мост:
И рост числа прозрений трудных,
И знаний друг о друге рост.
Не вы кричите из эфира:
«Есть вещи поважнее мира!..»
Внушаете всему вы свету:
Вещей важнее мира — нету!

Сергей САТИН.

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Самоубийство между делом. 5. Антипод Еремы. 6. Допотопный однолюб. 8. Школьный писатель. 9. То, во что матрос вкладывает всего себя. 11. Единица измерения генеалогического древа. 14. Регион, где собаки работают как лошади. 17. Опечатка (охран.). 18. Распространенное направление утечки дефицита. 19. Рассказчик, которому не хватает размаха рук. 21. 60 минут на поверхности. 24. То, чем заняты головы королей. 26. Круглое надувательство (детск.). 27. Летающая мышеловка. 28. Член семьи с точки зрения кормильца. 29. Заготовки (девчач.).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Одна нога здесь, другая там (гимнастич.). 2. Захватывающая история, захватывающая тысячи погонных метров. 3. Человек, от которого плакать хочется. 5. Несформировавшаяся котлета. 7. То, что человеку под пунктом 21 бывает по пункту 11. 10. Место встреч заложников. 12. Кругозор (радиотехн.). 13. Бабник (строительн.). 14. Молочный брат брынзы. 15. Зверский голос. 16. Человек, которому бывает тяжело уходить с работы (уголовн.). 20. Один из тех, кто дал нам возможность напечатать этот кроссворд. 22. Слово, которое из танца не выбросишь (лезгинск.). 23. Полянка, где ступала нога туриста. 24. Занимательная арифметика (финанс.). 25. Предмет, за которым нужен глаз да глаз.

Составили М. МЕШМАН и А. ПЕККЕР, г. Винница.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 16

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Ворона. 4. Коровя. 6. Луг. 7. Кочерга. 10. Старушка. 11. Бантик. 13. Семицветик. 14. Испуг. 16. Коляска. 20. Билет. 21. Пигалица. 22. Слива. 24. Маг. 25. Выбоина. 27. Нрав. 28. Мойдодыр.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Кенгуру. 2. Сок. 3. Велосипед. 5. Вареники. 8. Ганс. 9. Акация. 11. Битка. 12. Карусель. 15. Считалка. 17. Очаг. 18. Краски. 19. Пирамида. 23. Иван. 25. Вода. 26. Бор.

МИМОХОДОМ

Старый холостяк — это мужчина, который превышает пределы допустимой обороны.

Николай ОТЧАЯННЫЙ, г. Ленинград.

Первая половина жизни характеризуется полнотой ее, вторая — избыточным весом.

В. ФИЛЬЧЕНКО, г. Ульяновск.

Когда все конюхи с дипломами, тогда авгиевы конюшни некому чистить.

Юрий РЫБНИКОВ, г. Полтава.

Ничто так не молодит, как старые джинсы!

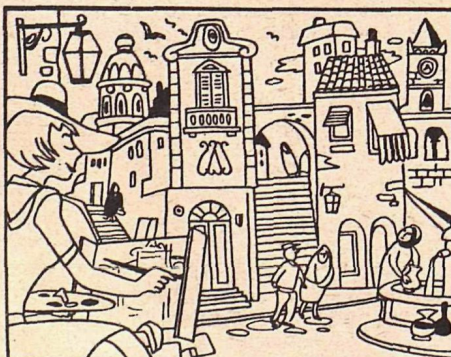
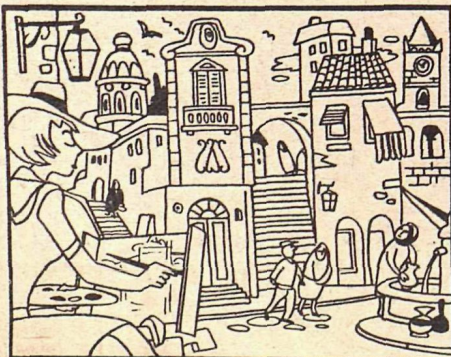
Юрий ШАНИН, г. Киев.

Был человеком слова, которое замолвили сверху.

Виктор КОНЯХИН, г. Москва.

НА ЭТЮДАХ

Попробуйте отыскать 20 различий между этими рисунками.

Надеюсь, особых затруднений сегодняшние задания вам не доставили. Что же до заданий прошлого выпуска, то и «ВРЕМЕННЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ ИВАНА ПЕТРОВИЧА» разрешаются просто. Действовать надо так: перевернуть (пустить) те и другие часы одновременно. Когда кончатся 3 минуты, пустить эти часы вторично. Еще раз надо пустить и 5-минутные часы (естественно, после истечения 5 минут). Когда вторично пройдут 3 минуты, надо опускать яйцо в кипяток и варить, пока не кончится песок в 5-минутных часах.

А помните «УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ»? Конечно, завяжутся из них только 1-й, 2-й, 5-й и 7-й. С «ДЕЛОМ В ШЛЯПЕ» и того проще. Фрагментами верхней картинки многие из вас совершенно верно назвали 3-й квадратик в первом ряду, 1-й и 5-й во втором ряду и 6-й в нижнем ряду.

Позвольте засим откланяться — до новой встречи!

— Совсем уж лето настало, — мечтательно вздохнул Синицкий-младший, — и солнце, и листья, и небо... Самый сезон для лириков! Ну что ж, так тому и быть, сегодняшние задания — для них.

НЕДОСТАЮЩИЕ СЛОВА

Найдите имена существительные, которые служили бы в каждом случае окончанием первого слова и началом вто-

рого. Например: уни(...);
уни(кум)ис, уникам, кумис.
Ку(...);с, гу(...);тор, ци(...);ы,
то(...);ь, ма(...);ть, во(...);а,
за(...);ка, со(...);ва.

Сильвестр ГАЛАМБОШ

ПОПАЛСЯ

— Успокойтесь, тетушка! Мы сделаем все, чтобы выяснить, кто виновник этого единственного в своем роде происшествия, — дружелюбно сказал старший лейтенант Пюшпекладани.

Тетушка Ковач нервно мяла в руке носовой платок.

— Прошу меня понять. Ведь речь идет о тысяче форинтов! Это немалая сумма для одинокой вдовы.

— Попытаемся реконструировать события. Итак, было четыре часа дня, когда вы, тетушка Ковач, вернулись домой. Тысяча форинтов тогда уже...

— Да. Тогда они уже лежали здесь, на кухонном столе. Я глазам своим не поверила. Пересчитала. Десять хрустящих сотенных бумажек. Как они попали на мой стол, если у меня было всего-навсего шестнадцать форинтов сорок филлеров? А пенсию мне должны принести только через две недели.

— Вы подозреваете кого-нибудь из соседей?

— Невероятно! В нашем доме люди мало обращают внимания друг на друга.

— А Арпад Кренкович из восьмой квартиры на первом этаже? Он много лет в порядке общественной работы уделяет время старикам района.

— Невозможно даже предположить, что это дело рук Кренковича. Если надо, я могу подтвердить под присягой.

— Пожалуйста, подумайте. Нет ли у вас какого-нибудь доброжелателя?

— Это исключено, — с глубоким вздохом ответила тетушка Ковач.

— Прежде всего под подозрением находятся все, кто имеет ключ от вашей квартиры... У кого он есть?

— У моего сына, — тихо ответила тетушка Ковач. — Но он вне подозрений. Ему такое никогда и в голову не придет!

— Но следы ведут именно к нему. Я приказал допросить его и устроить очную ставку с вами. Прошу ввести подозреваемого! — громко приказал старший лейтенант.

В кухню вошел бледный, слегка потасканный молодой человек.

— Есть веские основания подозревать вас в том, что вы, воспользовавшись отсутствием своей матери, тайно подбросили ей тысячу форинтов и скрылись. Вы это признаете?

— Нет! Категорически отрицаю! — Молодой человек гордо выпрямился.

— Вот как? Я вынужден предъявить вам улики. Дактилоскопией установлено, что найденные на денежных купюрах отпечатки пальцев принадлежат вам. Ну-с, что вы теперь скажете? Все еще будете отрицать?

— Нет! Признаюсь! Это был я! — вскричал молодой человек и, тяжело дыша, продолжал: — Вчера я получил премию. Довольно крупную сумму денег. Карманы мои были набиты сотенными. Сам не знаю, как это меня угораздило... Назовем это странным капризом. Я вдруг подумал, что следует дать что-нибудь матери. Но тайно! Не хотелось, чтобы из этого вышел прецедент и она вообразила, что я буду ей помогать все время... Больше сказать мне нечего, — опустив голову, прошептал молодой человек.

Пюшпекладани взял фуражку, пожал тетушке Ковач руку. В дверях он обернулся и строго сказал молодому человеку:

— Надеюсь, что отныне это будет повторяться ежемесячно.

Ласло МАЙЛАТ

НАЕМНЫЙ УБИЙЦА В КЛИНИКЕ

Около полуночи в Центральном парке Нью-Йорка свершилось злодеяние. Блеснул в лунном свете стилет, и человек упал замертво. Джо-Губитель, самый искусный наемный убийца Атлантического побережья, вновь сработал точно. Вытерев нож гигиенической салфеткой с ароматом лимона, он опустил оружие убийства в карман и поднял глаза. На другой стороне аллеи стоял какой-то субъект.

«ЛУДАШ
МАТИ»,
Венгрия.

Он все видел. Джо-Губитель бросился за неожиданным свидетелем, но тому удалось ускользнуть.

Лучшие силы уголовного мира Нью-Йорка выяснили, что свидетелем убийства был Эмиль Трогмюллер, будапештский парикмахер, прибывший в США в составе группы туристов. Он бродил ночью по Центральному парку потому, что это развлечение по карману даже венгерскому туристу.

На другой день Эмиль Трогмюллер вернулся со своей группой в Будапешт, где в результате пережитых волнений почувствовал боли в сердце и был помещен в одну из столичных клиник.

Вслед за ним в Будапешт вылетел Джо-Губитель. В соответствии с кодексом чести наемных убийц ему предстояло убрать нежелательного свидетеля.

Быстро установив, где находится Эмиль Трогмюллер, опытный душегуб предпринял попытку пройти в клинику и там поставить точку в этом деле, как это ему не раз приходилось делать в Штатах. Однако суровый вахтер сообщил ему, что посещения разрешены только по средам.

Набравшись терпения, Джо-Губитель дождался среды и к пяти часам вечера подошел к воротам клиники. Но и на сей раз его ждало разочарование: на воротах висела табличка, извещавшая, что в связи с эпидемией гриппа все посещения отменены.

У Джо-Губителя начались нервные подергивания, однако он не сдавался. Раздобыв веревочную лестницу и отмычки, Джо попытался проникнуть в клинику ночью, но и эта попытка была пресечена бдительной сторожевой собакой по кличке Бунди. Убийце пришлось отправиться в будку старика охранника и там составить ему компанию для распития бутылочки вина. Осушив стакан, Джо-Губитель пустил слезу и пожаловался сторожу, что никак не может навестить своего родственника в клинике. Старик популярно разъяснил Джо, что самый надежный способ уладить дело — сунуть двадцатку вахтеру. Убийца был поражен: такого он не встречал и в уголовном мире Нью-Йорка.

На другой день, последовав совету сторожа, Джо успешно преодолел препятствие в лице вахтера и благополучно добрался до терапевтического отделения. Он замыслил задушить Трогмюллера подушкой, незаметно проскользнув в его палату.

Войдя в дверь, над которой значилась цифра 16, Джо-Губитель едва сдержал крик отчаяния. В палате было шестнадцать коек, восемнадцать больных и тридцать три посетителя.

Когда убийца несколько пришел в себя от потрясения, его озарила великолепная мысль. От имени Трогмюллера он передал с медсестрой главному врачу отделения сто долларов в конверте — в знак благодарности и с просьбой перевести его в отдельную палату.

А состояние настоящего Трогмюллера между тем ухудшилось, и его отправили в реанимацию. Тут Джо-Губитель смекнул, что может убрать злосчастного свидетеля, почти не прибегая к насилию: он просто отключит искусственные легкие или перережет трубочки, по которым в больного вливают всяческие препараты.

И вновь разочарование! Никаких хитроумных машин и аппаратов в реанимационном отделении он не обнаружил. Как выяснилось, это отделение открыли всего четыре года назад, и заказанное оборудование то ли еще не прибыло, то ли было потеряно.

Узнав об этом, Джо-Губитель рухнул на пол. С тех пор его содержат в психиатрической лечебнице. Если не считать кратковременных вспышек слепой ярости, когда несчастный помешанный бежит по коридору с посторонними предметами в руках, его считают фактически безвредным, хотя и безнадежным больным. Охотно принимает участие в драмкружке, с большим мастерством исполняя роли Яго и Ричарда III. А нью-йоркская ассоциация наемных убийц давно занесла Джо-Губителя в списки пропавших без вести.

Перевела Е. ТУМАРКИНА.

КРОКОДИЛ

№ 17 (2567)
и ю н ь 1987

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

Редакционная коллегия:

М. А. АБРАМОВ,
Ю. Б. БОРИН,
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора),
А. Б. ГОЛУБ,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. МОЧАЛОВ
(художественный редактор),
В. В. ПЕСКОВ,
В. Г. ПЕБЕДОНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ,
А. А. СУКОНЦЕВ,
Л. Л. ФЛОРЕНТЬЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА.

Темы рисунков этого номера придумали: А. Будилов, Р. Дружман, В. Дубов, Ю. Ерофеев, А. Капнинский, Г. и В. Караваевы, Н. Малов, В. Мохов, Т. Новикова, Р. Самойлов, С. Спасский.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

НАШ АДРЕС:

101455, ГСП,
Москва, А-137,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

экономики —
250-46-68,
морали и права —
250-16-63,
литературы —
250-09-70,
писем —
212-13-93,
международного —
250-45-78,
художественного —
212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ
1922 ГОДА.

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

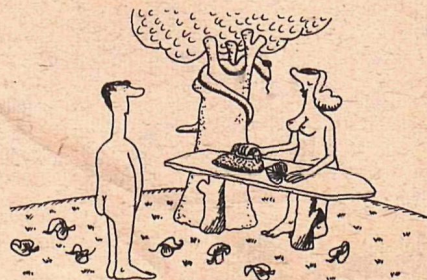
Сдано в набор 11.05.87.
Подписано к печати 18.05.87.
А 03427.
Формат бумаги 70 × 108½.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5 300 000 экз.
(1-й завод: 1—3 149 574).
Изд. № 1488. Зак. № 689.

© Издательство ЦК КПСС
«Правда».
«Крокодил». 1987.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС
«Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

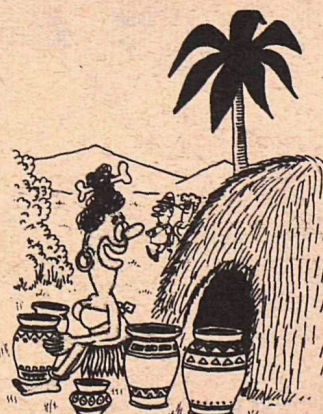
«Ойленшпигель», ГДР.

«Эриссон», Франция.

«Эпока», Италия.

— Ты подготовил узкоплечную камеру, Бонго? Идут американские туристы!

«Мухер и огар»,
Коста-Рика.

лучайке за столиком и подписывает нам свои книги. Что-то шепчет, наклонив голову, и книги в ответ смеются солнечными зайчиками с глянцевого обложки. Он художавый и высокий, и когда уже в кабинете прикасается длинными пальцами к корешкам своих книг, переведенных почти на все языки мира, и когда смотрит на собеседника мудрыми, детскими глазами, как-то очень пронзительно ощущается постоянная прописка доброты и мысли в стенах этого дома, из которого не хочется уезжать.

Но программа беспощадна. Через час в Калифорнийском университете начинается симпозиум «Советский и американский юмор». А потому — опять дорога. Отель. Уже привычное борновское «Файв минитс!», и мы бодро шагаем по чистеньким дорожкам университетского парка.

Аудитория — несколько сот человек. На сцене с американской стороны — известный карикатурист Пол Конрад, профессиональные комики и юмористы, руководитель диспута — профессор Харви Мендос, автор книги «Смех и освобождение». Он предложил следующее начало: на экран проецируются американские карикатуры, а зал следит за нашей реакцией. Короче, хотели узнать, будут ли советские смеяться над тем, над чем смеются американцы. К чести Харви, антисоветских карикатур на экране не возникло, впрочем, как и антиамериканских. Аудиторию интересовало наше отношение к черному юмору, юмору абсурда, юмору чистому и медицинскому. Вот пример: Джо отрезали правую ногу, а сосед ему говорит: «Тебе повезло. старина, теперь комары смогут сосать кровь лишь из твоей левой ноги».

Это смешно? Американцы смеялись.

Еще пример: цыпленок, вылупившийся из яйца, высовывает голову, глядит вправо, влево, затем с ужасом залезает обратно в скорлупу. Как нам показалось, разница в реакции нашей и зала была минимальной. А после горячих, но дружеских споров мы отвечали на вопросы, и американцы дружно аплодировали. А кто сидел в зале, мы толком даже не знали: за несколько дней до симпозиума в прессе были помещены объявления о нем — приглашались все желающие.

Запомнилось: молодой парень поднялся, скороговоркой начал что-то спрашивать, поглядывая по сторонам, и... был оштрафован и посажен на место. Не нами, конечно. Мы готовы были отвечать на любые вопросы. После симпозиума к каждому из нас подходили десятки американцев, благодарили за прекрасный вечер — и «Крокодил», и «Правду», и «Возни». И задавали все новые и новые вопросы. Да, интерес к нашей стране в Америке огромен. «Вы знаете», — сказал нам один из журналистов, — на сегодняшний день самая интересная для американцев страна в мире, за исключением, конечно, собственной — это Советский Союз. Потому что в вашей стране происходят такие вещи, которые, по нашим понятиям, невозможны. Я не знаю, что будет через год или два. Может быть, ваше место займут Индия, Австралия или Филиппины, но сегодня — исключительно СССР».

Кстати, подошел и тот парень, что пытался задать вопрос. Подошел и на чистом русском спросил: «Как там погода в Москве?» «В Москве весна», — ответили мы. Он кивнул, будто вспоминая о чем-то, повернулся и медленно ушел. В Лос-Анджелес.

В отеле «Куин Мэри», где мы остановились, драили палубы: лайнер, после многих десятилетий исправной службы превращенный в гостиницу, надо содержать в идеальной чистоте. Одна из реклам «Куин Мэри» гласила:

«На каждой кровати в наших апартаментах могут прекрасно выспаться король, королева и двое их близняшек». Реклама не врал: если бы мы все пятеро залезли в такую кровать, то хватило бы места еще и для гостей, случись они у нас. Однако индивидуализм в США имеет ранг религии, и поэтому, к счастью, у каждого из нас были свои апартаменты с этими пугающе большими кроватями. Из кают в иллюминаторах за небольшим заливом

Со стр. 9.

РЕКЛАМА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

вздыхались пики небоскребов центра города. Ночью на их освещение работала, очевидно, целая электростанция, а утром зеркальные бока биддингов воспламенялись калифорнийским солнцем...

Во время завтрака за столом обнаружилась группа лиц, увешанных фотоаппаратами и вооруженных авторучками. Заметив наше недоумение, корреспондент «Лос-Анджелес таймс» изрек: «В Эл-Эй все огромное, господа, сжато лишь время. Поэтому, надеюсь, вы не будете возражать, если пресс-конференция пройдет во время завтрака. Ведь, судя по вашей программе, иного времени у нас не будет». Мы не возражали.

После «завтрака», голодных и грустных, нас попросили пройти на палубу и постройиться друг за другом по росту для производства исторических кадров. А мы в это время вспоминали, какие роскошные салаты не успели съесть. Лучезарная улыбка не получалась. И тут самый молчаливый и сытый из нас воскликнул: «Братцы, мы ж не едем в Америку приехали!» Все порадовались за него, и веселый кадр, кажется, получился.

Калифорния — штат паломничества. Ее воспевают рок-группы «Бич Бойз», «Иглз» и многие другие. Калифорния создала Голливуд и Диснейленд... Теперь сюда едут сотни тысяч американцев, чтобы: а) стать муви-стар, по-нашему, Смоктуновским или Гурченко, б) посетить самое счастливое (если верить рекламе) место на земном шаре, где ходит живой Микки Маус и возможны любые сказочные превращения, в) насладиться пляжа-

И опять был симпозиум. На этот раз разговор шел о стереотипах. Действительно, шоры на глазах полезны лишь лошади, да и то с точки зрения возницы.

Хозяева просят нас:

— Расскажите о ваших стереотипах восприятия американцев. Изменились ли они здесь, в США?

— Хорошо, — соглашаемся мы, — но не могли бы вы для затравки привести хоть один стереотип о русских? Моментальный ответ из зала:

— Русские пьют водку за завтраком!

Столь же быстрый ответ:

— Ошибаетесь! За завтраком мы пьем коньяк Камю...

Контакт установлен, и мы отвечаем на вопросы американцев.

Приведем лишь два наших ответа, прозвучавших на симпозиуме.

До этой поездки нам тоже казалось, что американцы чуть ли не поголовно курят и не ограничивают себя в спиртных напитках. Средний американец представлялся если не с сигарой, то уж, во всяком случае, с сигаретой «Мальборо». Из напитков — виски или водка «Смирнофф». Накануне вечером мы были в гостях в американском доме. Из двадцати пяти приглашенных курили лишь трое — все они были из нашей делегации. И, верите ли, хозяин с трудом нашел в своем большом доме пепельницу.

Не менее удивительно было увидеть, что американцы довольно сдержанны в отношении спиртного, в основном пьют пиво или апельсиновый сок. И это был для нас далеко не первый американский дом, где надламывался привычный с собой стереотип.

Подавляющее большинство американцев спиртному и курению предпочитает бег трусцой: признаемся, даже завидно было обнаружить, сколь массовым, едва ли не общенациональным увлечением он становится.

Вот вам серьезный ответ. А теперь — шуточный.

В Аризоне нас повезли в типичный ковбойский городок Дикого Запада — Рохайд. Ковбои-актеры лихо разыгрывали сценки побоищ конца прошлого века. Немилосердно палили Буффало Биллы, и хотя никто не был убит, один из нас — самый молодой — получил довольно ощутимую травму головы. Это произошло оттого, что еще в Москве у него сложился довольно устойчивый стереотип американской курицы. Он считал, что их куры не более умны, чем наши. И вот, прогуливаясь по Рохайду, он заметил курицу в клетке. Рядом светилось табло: «Игра в крестики-нолики с курицей Аризоны». Он кинул монету и проиграл. Вскоре он истратил всю мелочь, но не стал умней. А курица брала клювом зернышко и клала в контейнер игрового табло, обдывая советского юмориста за чистую монету.

Как нам стало потом известно, наутро пострадавший спустился в кафе и заказал самую крупную курицу Аризоны. А когда тарелка его была пуста, он сказал себе: «Не так уж они умны, эти аризонские курицы, как кажутся с первого взгляда».

Эта история часто звучала потом на симпозиумах и пресс-конференциях, помогая разгустить устаревший стереотип не только о заокеанских хохлатках, но и о советских людях, которые, к удивлению многих американцев, совсем не такие мрачные, как им, американцам, внушают.

Вашингтон — Питтсбург — Финикс — Темпи — Лос-Анджелес — Филадельфия — Нашвилл — Москва.

«Ну хорошо, а что же было в Филадельфии и в Нашвилле?» — резонно спросит читатель. И найдет ответ в следующем номере.